

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А.ВАЙН
А.КОВАЛЬ

ЛЮБОВЬ ЗЛА...
А СОСЕД ЕЩЕ ХУЖЕ

ОПЕРАЦИЯ

18+

"НЯНЬКА В ПОГОНАХ"
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Алекс Коваль
Лана Вайн
**Операция "Нянька в погонах",
или укрощение строптивой**

*<https://litres.ru/74182433>
SelfPub; 2026*

Аннотация

– В машину сядешь сама или тебе помочь, принцесса?

Мой отец – генерал решил, что мне, взрослой и самостоятельной девушке, срочно нужна нянька. И приставал ко мне этого ворчливого опера, который умеет только рычать и командовать. Мы терпеть друг друга не можем, но вынуждены быть вместе.

Опереныш думает, я буду играть по его правилам? Наивный. Я планирую свести его с ума! Но что делать, если его хочется не только придушить, но и поцеловать?

Он – суровый опер УГРО, у которого «залет» – второе имя.

Она – дерзкая дочка генерала и его личное наказание.

Они – играют с огнём. И кому-то точно придётся обжечься.

Содержание

Глава 1. Опер принцессе не товарищ	4
Глава 2. Клубничный патруль	18
Глава 3. Дракон в наличии тоже имеется?	28
Глава 4. Ты влип, товарищ майор	42
Глава 5. Благотворительность	56
Глава 6. Один-ноль, Опереныш	68
Глава 7. Медведь на съемках	80
Глава 8. Так держать, бандитка!	91
Глава 9. Как же, зараза, хороша!	102
Г	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Операция "Нянька в погонах", или укрощение строптивой

Глава 1. Опер принцессе не товарищ

Демид

Три коротких стука, и я, подготовившись к словесному расстрелу, жму на ручку двери с табличкой: «Начальник УГРО Шайтанов В.В.». При других обстоятельствах ввалился бы вальяжно, со стаканчиком кофе и сигареткой «перетереть по душам». Но после вчерашнего косяка моих оперов по статусу положено сегодня заходить на полусогнутых и испуганным. Что я и пытаюсь изобразить на своей «наглой роже», как говорит сам генерал.

Слышу из-за двери:

– Кто? – недовольным басом начальства.

Заглядываю в кабинет:

– Вызывали, Виктор Васильевич?

– А, ты. Вызывал. Проходи, присаживайся, Тарханов. Поздравлять тебя сейчас буду, – одаривает меня свирепым взглядом Василич.

– Так вроде не праздник. С чем поздравлять, товарищ генерал?

– А у тебя всегда один праздник, Тарханов. Залет называется, – громко и показательно захлопывает увесистую папку с документами генерал.

Моментом понимаю – мое личное дело...

Труба.

Но если в двадцать два года, когда я только поступил на службу в ряды нашей доблестной полиции (тогда еще милиции), у меня такие взгляд и жесты руководства вызывали дрожь в коленях и панический спазм, то, отмотав шестнадцать лет этой лямки, я стал совершенно непрошибаем. Холодный, черствый, заматеревший и охувший вконец старший оперуполномоченный. И нынче руководство может хоть до усрачки распекать за провинности меня или моих парней, но свою жопу под пули преступника подставляют не они, а мы. А значит, можно иногда и борзануть. Особенно когда дело касается откровенной несправедливости и безнаказанности.

– Твои ребята вчера слишком весело проводили время в ночном клубе, майор.

– Кхм, – я в курсе. – Насколько весело?

– Трещина в ребре, сломанный нос и фингал. Снятые по-

бои и заявление от сына уважаемого в городе бизнесмена Сомова на твоих полуоперов, – кидает мне бумажку генерал. – Вот. Полюбуйся.

Пробегаю глазами по кривому, пляшущему во все стороны почерку явно нетрезвого пассажира. Мимоходом вчитываюсь в ту белиберду, что накатали на одного из моих оперов, который всего лишь зарвавшегося петуху объяснил, как нельзя обращаться с женщиной. Но у этих мажоров свое видение мира.

– Впредь будет знать, как женщинам «несогласным» шары подкатывать...

– Что ты сказал, Тарханов?

– Я сказал, что не понимаю, о чем вы, Виктор Васильевич, толкуете. Больше бы конкретики.

– Борзой, значит?

– Никак нет.

– Демид, давай без официоза. Ты ведь понимаешь, что мое терпение тоже не безгранично? Пачка жалоб на тебя и твой отдел уже почти такая же толстая, как стопка с нераскрытыми делами. Еще немного, и вы все влетите на служебную проверку, и в лучшем случае полетят звезды с погон. А в худшем – головы! Возможно, и моя.

– По-моему, вы раздуваете из мухи слона, Виктор Васильевич.

– Загибай пальцы. Месяц назад твои олухи сорвали операцию, которую мы готовили почти два месяца. Две недели

назад решили поиграть в гонщиков «Формулы 1» и разнесли служебную машину, которую нам пришлось списать. На прошлой вы залетели всем отделом на огонек к юбиляру-губернатору и повязали половину его гостей, не имея на арест ни единого основания.

– Вот это было эпично, – хмыкаю я.

– А до этого ты имел неосторожность послать на хер прокурора области...

– Формально я его не посылал, а всего лишь указал направление.

– ...и ты понятия не имеешь, каких трудов мне стоило его утихомирить и отмазать тебя от служебной проверки тогда. А теперь это? Ты в курсе вообще, что Сомов – дальний родственник Капитанова, полковника из УСБ? И им возбудить против тебя проверку, как чихнуть – дело двух секунд!

– Звучит комично, вам не кажется?

– Что именно тебя так веселит?

– Полковник Капитанов. А когда он был капитаном... Капитан Капитанов? Вот коллеги над ним ржали, поди.

– Тарханов, мать твою! – грохает по столу Шайтанов, поднимаясь с места. – Уволю! – Упирает массивные кулаки в красное дерево столешницы. – Задним числом и по статье!

– Да пожалуйста, – отодвигаю я от себя заявление, которым этот мажористый пацан может подтереть свой золотой зад, и вальяжно разваливаюсь на кресле. – Увольняй, Василич. Работать кто будет? Ты прекрасно знаешь, что пока

я держу своих клоунов – прости, оперов – в ежовых рукавицах, они дают тебе девяносто процентов раскрываемости. Это под влиянием моей плетки они скачут, как резвые кони. Если я уйду, этот карточный домик развалится, ты даже дунуть не успеешь. Ну порамсили парни с золотым мальчиком, с кем не бывает?

– Это ты мне сейчас угрожаешь? – выпучивает охреневшие глаза Шайтанов.

– Это я тебе даю реальный расклад. Этот сосунок по-хамски подкатывал к официантке. Мои парни просто заступились за студенточку. Не было бы заявления о мордобое, было бы об изнасиловании. Хрен редьки не слаще. Можно сказать, что ребята сработали на опережение. За такое вообще-то премии выписывают, – расплываюсь в нахальной улыбке.

– И у тебя хватает наглости еще просить премию? А благодарственное письмо вам не дать? А потом догнать и дать еще одно! Да я по вашей милости... – начинает распыляться генерал, но его разгоняющийся гневный спич прерывает звонок телефона.

Я почти облегченно выдыхаю.

– Шайтанов! – рывкает в трубку нач, тут же обтекая и бледнея. – Прошу прощения, товарищ генерал-лейтенант. Нервы ни к черту. Да... Добрый день. Да, так точно. Работаем! – вытягивается по струнке Василич, пуская взглядом молнии в мою сторону. – Все стабильно хорошо, Андрей Геннадьевич. Беззащитных защищаем, преступников сажаем...

Я закатываю глаза и прихожусь взглядом по кабинету Шайтанова. Пока он сам лебезит и стелится перед вышестоящим руководством. Сразу на ум приходит устойчивое выражение: на любого зверя найдется зверь покрупнее. Все мы перед кем-то бегаем на полусогнутых. Даже генералы-лейтенанты.

Отключаюсь от разговора, ибо подслушивать нехорошо, так меня мама учила. И использую паузу в распинаниях, чтобы скинуть племяшке сообщение. Быстро настукиваю:

Демид: «Утро, мелкая. Яичница на столе, сок в холодильнике, мороженое в морозилке. Посуду за собой убрать. Соседский урожай не тырить – статья 158 УК РФ, карается штрафом в виде отсутствия сладкого до конца месяца».

Отправляю. Вижу, что прочитано. Тут же прилетает ответное:

«Доброе утро, дядя зануда».

Дядя зануда.

Хмыкаю и прячу телефон в карман.

По счастливой – или не очень – случайности: гиперактивная, любознательная и капризная восьмилетка – дочка моей младшей сестры – в это лето гостит у меня. И пока моя сестрица с благотворительной врачебной миссией спасает детей в Африке, я спасаю свою последнюю нервную клетку, убегая из дома на работу. Хотя и тут, и там – один пиздец и полное отсутствие уединения.

– ...вашу малышку? – слышу растерянный голос Шайта-

нова и крайне неожиданное уменьшительно-ласкательное в разговоре двух генералов.

Смотрю на начальство. Виктор Васильевич задумчиво чешет затылок. Прохаживается около рабочего стола взад-вперед.

– ...проследить? – явно повторяет за собеседником. – Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Найдем. Надежного. Да. Без лишнего шума. Принято. Глаз не спустим, само собой! – пауза. – Чтобы ненавязчиво? Понимаю, – кивок. – Встретить в аэропорту? Когда? – тишина. – Будет сделано. Да. Вопрос на моем личном контроле. На связи!

Шайтанов кладет трубку. В кабинете устанавливается напряженная тишина. Василич делает еще пару кружков по периметру стола и смотрит на меня. Долго. Пристально. Медленно выражение его лица с задумчивого трансформируется в победоносное. Глаза загораются нездоровым, ехидным огнем, не сулящим мне ничего хорошего. Генерал улыбается. Все шире и шире. Очень «плохо» улыбается. Моя пятая точка уже начинает подгорать от предчувствия конкретной подставы.

– Ну что, Тарханов, кажется, вселенная тебя услышала и дала тебе и твоим клоунам шанс на амнистию.

– Мне не нравится начало.

– А дальнейшее понравится еще меньше, – обещает мне повеселевший Шайтанов, усаживаясь в свое генеральское кожаное кресло. – Будешь заглаживать вину.

– Это вопрос?

– Констатация факта.

– А если я и мои клоуны не чувствуем себя виноватыми?

– осторожно интересуюсь я.

– То я вам этого чувства сполна навешаю!

– Понял. Весь во внимании.

– Предлагаю сделку. Я решу вопрос твоего парня с Сомовым-младшим и не дам делу со служебкой набрать обороты.

– А я продам вам душу?

– Почти. Окажешь мне услугу. Вернее, не мне, а генералу-лейтенанту Антипову. Встретишь в аэропорту, доставишь до дома и любезно присмотришь за его драгоценной дочуркой-фотографом.

– Дочуркой? – офигев, переспрашиваю я. В голове тут же рисуется образ капризной принцессы в розовом, с чемоданом размером с однокомнатную квартиру и тоном «вы знаете, кто мой папа». Из тех, кто читает, что кофе в стаканчике появляется само, а люди вокруг созданы, чтобы носить ее штативы. И я терпеть не могу таких!

– Василич, – снова перехожу я на неформальный тон общения, – я не телохранитель и не нянька! Я оперативник.

– Был оперативником. Пять минут назад ты был проблемой на грани увольнения. А сейчас у тебя появился шанс снова стать оперативником. И тебя никто не просит бросаться грудью под пули. Хотя если придется – бросайся. Иметь в должниках генерала-лейтенанта никогда не бывает лишним.

Я громко и мучительно выпускаю воздух из легких, чувствуя себя загнанным волками в угол зайцем, пасть одного из которых уже почти сомкнулась на моем хвосте.

– И надолго?

– Пока там, – показывает пальцем наверх начальник, – не скажут «хватит».

– То есть навсегда.

– Не драматизируй. Это работа.

– Это ссылка.

– Это альтернатива служебному расследованию. Скажи спасибо, что я даю тебе возможность дослужить свои четыре года и выйти на пенсию по выслуге лет. А не прошу написать «по собственному» и до восьмидесяти лет гадать кроссворды за стойкой охраны супермаркета.

Вот тут мне крыть нечем. Потому что начальник прав. А правый начальник – явление редкое и имеющее особо мерзкий привкус. И все, что мне остается – развести руками от безысходности и спросить:

– Вводные данные есть?

– Есть. Антипова Василиса Андреевна. Двадцать три года. Фотограф. Едет сюда для участия в каком-то проекте. Девочка чересчур самостоятельная. Иногда заносит. Твоя задача – тормозить. Мягко. Без жести.

– А если я мягко не умею?

– Значит, самое время научиться, майор. Прилетает Василиса сегодня. Номер рейса, телефон и фото сейчас перешлю

сообщением. Еще вопросы есть?

– Есть. Добро на применение оружия дадите? В крайнем, разумеется, случае.

– И к кому ты собрался его применять?

– По ситуации. Может, сам застрелюсь от отчаяния, а может, ее пристрелю. Ну, если совсем сильно занесет.

– Тарханов, если провалишь это задание, я тебя в цирк по договору преемственности передам. У меня там как раз есть подвязки. А у них на прошлой неделе клоун умер. От смеха.

– Смешно.

– Я закрываю глаза на твою самодеятельность. Ты закрываешь рот и едешь в аэропорт. И смотри мне, чтобы больше ни единого залета! – машет пальцем Шайтанов угрожающе мне вслед. – Больше я тебя прикрывать не буду!

Я, раскланявшись, сваливаю из кабинета начальства, проклиная этот день, работу и бесславную жизнь мента. Вот так все свои почти сорок лет задницу рвешь, а тебе вместо благодарности – великовозрастного ребенка под опеку и выговор.

Перед выходом на пять минут залетаю в кабинет своих оперенышей и выдаю вниз по цепочке пиздюлей. Правда, подсластив их благодарностью за бдительность и джентльменское воспитание. Строго рыкнув, чтобы за сегодня скинули с нашего отдела минимум один висяк, выезжаю в аэропорт.

Всю дорогу мысленно заковыристо матерюсь. Мало мне

было ребенка сестры, мне до кучи заслали еще чужого. Какого хера, эй?

В аэропорту, как и всегда летом, толпы «понаехавших» туристов, бесконечный поток такси и толкучка такая, аж дышать нечем. Проезжаю место массового столпотворения и торможу прямо у выхода из терминала. Врубаю аварийку. Надеюсь, принцесса способна сама докатить свой чемодан от багажной ленты до тачки?

Набираю номер, что скинул Шайтанов. Но ответом мне служат лишь длинные гудки. В момент, когда кажется, что сейчас врубится автоответчик, девчонка отвечает. Бросает в трубку:

– Алло, – надо признать, приятным голосом, с мягкими вибрациями. Образ сразу рисуется новый. В розовом, но уже далеко не платьишке. Пошлый. И совсем не к месту.

– Василиса? – для верности уточняю я, собирая яйца в кулак.

– Она самая. А вы тот самый нанятый папочкой «нянька»?

– Нанятым за работу платят. А я принудительно приставленный охранять. Где ты?

– Получила багаж, выхожу. А ты? – без обиняков так же переходит на «ты» генеральская дочурка.

– Черный внедорожник на аварийках. Прямо у выхода. Помаши ручкой, папина принцесса, чтобы я тебя срисовал.

– Срисовывают преступников, товарищ... кто вы там? Сержант? Или уже лейтенант?

Майор, вообще-то. И очень хочу грубовато съязвить, что «опер принцессе не товарищ». Но в этот момент бросаю взгляд в окно с пассажирской стороны и выхватываю взглядом стройные, загорелые женские ножки в экстремально коротких джинсовых шортиках и белых босоножках на внушительной платформе. И эти ножки так соблазнительно двигаются, что я – загипнотизированный – залипаю, забыв про «птичку» на проводе.

Не сразу смеаю, что эта красота двигает в сторону моей тачки...

А когда смеаю...

Еду взглядом вверх и от дерзкой улыбки на пухлых губах, словно получаю невидимый генеральский подзатыльник, понимая, что она и есть объект моего наблюдения. И что этот «объект» заметил мой неуместный, излишний интерес к ее ногам.

Осечка, майор.

Я сбрасываю вызов. Девчонка открывает переднюю пассажирскую дверь моей тачки. Острый взгляд зеленых глаз смотрит с насмешкой, когда эта пигалица бросает:

– С чемоданом поможешь или как?

– Мне сказали, что ты девочка самостоятельная. Сама справишься, – бросаю с ухмылкой. Не хрустальная, не сломаётся.

– Ясно, курсы джентльменства не заканчивал. Так и запишем.

– Да и ты, в таких коротких шортах, на благородную леди не тянешь.

Принцесска фыркает, но чемодан в багажник убирает. Сама. Напоследок так шарахнув дверцей багажника, что мне физически становится плохо. Занимает переднее пассажирское кресло и едва успевает пристегнуться, как я жму по газам.

– А что, «охранника» помоложе не нашлось в вашей деревне? Думала, отец звонил в уголовный розыск, а не в пенсионный фонд.

– Не нашлось. Меня как самого опытного воспитателя детского сада прислали.

Опера – они ведь как дети. За ними глаз да глаз нужен. Чуть зазеваешься, они уже сопли свои по стенам размазывают и в важных документах закорючки рисуют везде, где можно и где нельзя.

– УГРО... Самый опытный... Опереныш, ты, значит, старший в отделе? Я-я-ясно. М, а по званию кто? Капитан? Или уже сам «товарищ майор»?

– Ну, до твоего папочки-генерала точно далеко, принцесса, – язвлю я.

– Майор, – щелкает пальцами Василиса. – Точно майор. А лет тебе сколько? Сто...два?

– Столько не живут.

– Не сомневаюсь. Особенно с вашей работой.

– Имеешь что-то против нашей работы? – кошу угрожа-

ющий взгляд в сторону пассажирки, призывая ее десять раз подумать, прежде чем снова открыть свой рот.

Но Василиса лишь безразлично пожимает плечами. Такой палец в рот не клади, по самую шею откусит, прожует и не подавится. Лишь пару минут спустя напряженной тишины девчонка выстреливает ахеренно прямолинейным:

- Просто хочу предупредить сразу – ты мне не нравишься.
- А я и не обязан тебе нравиться.
- И ситуация мне не нравится.
- Все вопросы к батеньке, принцесса.
- И перестань меня называть «принцессой».
- Тогда ты забудь про «опереньша».
- М-м, дай подумать... Нет. Я буду называть тебя так, как захочу.

– Ну тогда смирись, ваше высочество, потому что это правило работает в обе стороны.

Моя головная боль хмыкает и отворачивается к окну, тихо пробубнив себе под нос:

- И свалились же на мою голову сто килограмм «счастья»...

Я беззвучно посмеиваюсь.

Ни хрена себе папина принцесса. Кажется, это мое «спецзадание» будет веселее, чем я предполагал.

Глава 2. Клубничный патруль

Василиса

– Если мы с вами сработаемся, то в конце испытательного срока вас ждет командировка с последующей возможностью остаться на ПМЖ в нашем европейском головном офисе, – вещает представитель престижного бренда, закрывая портфолио и многозначительно постукивая по обложке пальцем.

Я победно улыбаюсь, чувствуя, как внутри все так и поет от предвкушения.

– Ух, чудесно! Я вас не подведу!

– Не сомневаюсь, Василиса Андреевна. Ваше портфолио произвело на наш отдел маркетинга... скажем так, эффект разорвавшейся бомбы. Особенно серия с водой. Очень живо.

– Спасибо, – киваю с улыбкой, в которой ровно столько кокетства, чтобы это считалось профессионализмом.

– Контракт пришлю на почту в течение суток. Первая съемка – через десять дней. Локация – побережье. Конкретное место мы еще подбираем. Точную информацию я сообщу вам в отдельном письме. И, Василиса... – он чуть наклоняется вперед, и в глазах мелькает откровенный мужской интерес.

М-да, неужели мужики думают, будто им удастся это

скрыть?

– Мы очень рады, что вы согласились.

– Я тоже. Поверьте. Работа с вашим брендом – работа мечты.

Мужчина – лохотечный, в костюме за пару моих гонораров – протягивает мне руку через стол. Жму ее крепко, по-мужски. Папа всегда говорил: рукопожатие у девочки должно быть таким, чтобы после него мужик пять минут разминал пальцы и думал, кто к нему, черт возьми, пришел на переговоры.

Вот пусть думает.

Выхожу из бизнес-центра, гордо стуча каблуками. Хочется визжать. Орать дурниной прямо на улице до хрипоты. Хочется звонить всем подряд и хвастаться. Хочется купить шампанского, огромный торт и кота. Особенно кота, понятия не имею почему.

Но я делаю самое логичное, что может сделать двадцатитрехлетняя девчонка, только что урвавшая контракт мечты. Ловлю такси и еду домой. Точнее, в тот гигантский папин загородный особняк, в котором мне предстоит провести ближайшие два месяца. Под чутким, мать его, полицейским надзором Опереньша.

Я ухмыляюсь, вспоминая физиономию этого медведя тем самым утром, когда вышла из терминала. Как он залип на мои ноги с лицом провинившегося кота, которого хозяйка застукала с лапой в сметане. Медленно так поднимал глаза.

Изучал. Облизывался почти.

Я чуть не заржала ему в трубку!

И зря. Потому что потом он сделал такое лицо, что захотелось ему по этой морде ладонью съездить. Еще и это его цинично-снисходительное: «Папина принцесса». Тьфу.

– Приехали, девушка.

– Спасибо.

Расплачиваюсь. Выгружаюсь у высоких кованых ворот. Ббиваю код, который скинул отец, и просачиваюсь на свою временную территорию. Захожу в пустой дом, скидывая на ходу обувь, и взбегаю по лестнице на второй этаж. Несусь в спальню с единственным желанием – содрать с себя всю одежду и пойти загорать.

Шорты, топ и белье летят прямо на пол.

Падаю на колени перед чемоданом, который так и не удалось разобрать, и роюсь в вещах до самого дна. Где-то тут был... Ага. Попался.

Черный купальник. Тот самый. Раздельный, с тонкими ниточками на бедрах и микроскопическими треугольниками сверху. Как говорила моя Светка – он прикрывает ровно столько, чтобы тебя не забрали за нарушение общественного порядка.

Опереныша бы точно инфаркт шарахнул, если бы он меня в таком виде застал.

Хихикаю себе под нос, натягивая эти полоски ткани. Сдергиваю с запястья резинку, скручиваю кудри в небреж-

ный пучок на макушке, подхватываю с тумбочки крем для загара и пулей несусь вниз.

Толкаю стеклянную дверь на задний двор. Горячий воздух тут же бьет в лицо, а плиты террасы обжигают босые ступни, заставляя ускорить шаг к шезлонгу. Оглядываюсь чисто рефлекторно, подмечая высоченный глухой забор, кусты сирени да старую яблоню на границе участков. И никаких окон соседского дома, выходящих на мою территорию. Идеально. Хоть голой бегай, все равно никто тебя не увидит.

Плюхаюсь на лежак так, что пластик тихо скрипит подо мной, и откручиваю крышку, щедро выдавливаю на ладони кокосовый крем. Размазываю его по коже, жмурясь от удовольствия. Было бы совсем хорошо, если бы кто-то сделал мне массаж, а я бы лежала и только балдела, как ленивый тюлень. Но, к сожалению, вокруг меня нет ни единой души, только слышно как где-то в траве надывается кузнечик и над ухом деловито пробасил шмель и улетел по своим шмелиным делам.

Растягиваюсь на шезлонге во весь рост.

Кайф.

– Я молодец, – сообщаю белому облаку, ползущему над крышей. – Я красавица. Я профи. И батя теперь может засунуть свои «доча, я договорился с одним человеком в журнале» себе глубоко и надолго.

Лежу. Дышу. Просто растворяюсь в моменте.

Минут пятнадцать мозг еще подкидывает обрывки разго-

вора с заказчиком, строит ракурсы для будущей съемки. Потом все это медленно уплывает, оставляя после себя только приятную усталость в моем теле.

Полчаса абсолютного блаженства.

А потом – тс-с-с.

Тс-с-с.

Ш-ш-ш.

Я не открываю глаз. Сначала думаю: ну, может, кошка где-то играет. Потом – ветка. Потом – ну, может, кошка на ветке. Да и вообще, мало ли какая тут живность водится. Главное, чтобы не змея. Вот с ней бы столкнуться мне совершенно не хотелось.

– Тише ты, чмо! – раздается сдавленный шепот.

– Сам чмо! Слезь с моей ноги!

– ...да заткнитесь, придурки, она услышит!

– Сам придурок. Лезь давай!

– Я что, дурак? Сам лезь!

Так. Это уже точно не кошка. И даже не змея.

Я медленно приоткрываю один глаз. Прислушиваюсь. Звуки идут от дальнего угла – там, где глухой деревянный забор отделяет мой сад от чужого. Шепот мальчишеский, ломающийся, с придыханием. И, судя по голосам, нарушителям моих границ – лет по десять. Максимум.

Я медленно сажусь.

Ясно.

Соседская мелочь решила, что хозяев нет. Логично – дом

практически все время пустовал, и для местной шпаны это была не территория, а ничейная земля с интересной растительностью. И не важно, что огороженная и под охраной.

Хорошо. Поиграем.

Очень осторожно сползаю с шезлонга. Босиком, на цыпочках, крадусь к кустам. Прячусь за ними. Выглядываю.

Картина маслом.

На толстой ветке соседнего дерева – которое растет с той стороны забора и ветками вальяжно нависает над моим участком – расселись три пацана. Лет по десять. Чумазые, в шортах, у одного панамка набекрень, у другого футболка задом наперед. А прямо на краю забора, свесив одну тощую ногу внутрь моего сада, балансирует девчонка.

Светло-русая косичка растрепана. На коленке – свежая ссадина. Глаза – даже отсюда видно – горят, как у кошки на охоте.

– Давай, Яська, слабо? – шипит самый наглый из пацанов, тыча пальцем в мою сторону, точнее – в мою клубничную грядку. – Ты ж хвасталась.

– Ничего я не хвасталась, – задиристо отвечает девчонка, но в голосе явно проскальзывают нотки «сейчас докажу». – Я говорила, что мне не слабо.

– Ну так и не слабо?

– И не слабо!

– А чего сидишь тогда?

– Тактику разрабатываю, балда.

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не заржать в голос. Плечи трясутся. А девчонка тем временем продолжает:

– Да я вам ща столько натаסקаю – обожретесь и лопнете! – горделиво вздергивает подбородок Яся, от чего косичка подпрыгивает у нее на плече. – И никакая вредная старая карга меня не поймает!

Карга...

Это я-то?!

Двадцать три года, мать вашу, и я уже вредная старая карга? Дожила, называется.

Старая, значит. Ну, держись, Яська-как-там-тебя!

Логика подсказывает: выйти, заорать, спугнуть. Папина клубника – свята.

Но я отчего-то стою и смотрю.

Тем временем разбойница принимает решение. Девчонка ловко – реально ловко, как мартышка – перекидывает вторую ногу, повисает на руках и приземляется на мою территорию. Замирает. Прислушивается. Бросает быстрый взгляд по сторонам.

Меня не видит.

Удостоверившись, что «старая карга» не выскочила из-за угла с поварешкой, Яся подкрадывается к клубнике и садится на корточки, бережно приподнимая один лист. Второй. Под третьим обнаруживает ЕЕ. Гигантскую, идеально красную, с глянцевым боком ягоду размером с детский кулачок.

Глаза у Яси становятся круглые.

Она срывает ягоду. Подносит к носу. Нюхает, зажмурившись от наслаждения еще до укуса. И только потом – медленно отправляет клубнику в рот.

– Мммм-ммм, – раздается приглушенный стон.

У нее даже бровки сошлись от удовольствия. Сок течет по подбородку. Капает на ключицу. Яся даже не пытается его вытереть – она, видимо, в трансе.

А я стою и почему-то даже злиться за это не могу на нее.

Девчонка тем временем вошла во вкус. Она срывает вторую ягоду. Третью. Четвертую складывает в подол майки. Пятую кладет себе в рот и так по кругу. Уже натащила себе за пазуху целую горсть, но тормозить даже и не думает, хитро косясь в сторону пацанов – мол, видали, бакланы? Ее дружки на дереве сипят что-то одобрителное, типа «давай еще, давай, большую вон ту бери».

Когда в майке у Яси набирается уже приличный урожай, а на физиономии появляются клубничные усы в полщеки, я выхожу из кустов бесшумно. Босиком по теплой траве подкрадываюсь со спины.

Останавливаюсь буквально в сантиметрах от нее.

Нагибаюсь.

И тихо-тихо, прямо в маленькое розовое ухо, шепчу:

– Вон под листочком справа еще одна. Большая. Ты пропустила.

Яся каменеет.

Реально каменеет. Спина прямая, плечи подняты, в одной

руке – недоеденная ягода, в другой – край майки с урожаем. Не двигается. Даже, по-моему, не дышит.

Я жду.

С яблони раздается первый сдавленный звук. Это один из пацанов наконец-то поднимает глаза и видит над Яськиной макушкой меня.

– А-А-А-А!

– ТЕТКА!

– БЕ-Е-ЖИ-И-И-М!

С дерева сыплется град. Один пацан промахивается мимо ветки и летит вниз с глухим «ы-ых». Второй цепляется штанами за сук, висит секунду как флаг, потом с треском обрывается и приземляется на первого. Третий, самый умный, просто слезает и, не разбирая дороги, ломится через соседский участок.

Топот. Треск веток. Удаляющееся «бл-я-я-я-я» подростковыми голосами.

И все.

Тишина.

Мы с Ясей стоим на грядке. Она – спиной ко мне. Я – нагнувшись над ее ухом. Тишину нарушает только одинокая муха, которая кружит над ее клубничным урожаем.

Яся очень-очень-очень медленно поворачивает голову.

Поднимает глаза.

Карие. Огромные. С абсолютным ужасом и одновременно с диким, неприкрытым любопытством.

Видит меня.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Я в купальнике. Она с майкой, полной краденого. Между нами – гора клубники и обоюдное офигевание.

И тут эта мелкая стервоза – клянусь – выдыхает с таким облегчением, что у меня сами собой ползут вверх брови:

– Уф-ф. А я уже думала, бабка.

Все.

Я не выдерживаю.

Начинаю по-настоящему, в голос смеяться, держась за живот.

Глава 3. Дракон в наличии тоже имеется?

Демид

– Дем, тебе не кажется, что уже пора познакомить меня с племяшкой, м? – прихватывает зубами мочку моего уха Марго, лапаясь, как кошка. – Сколько она у тебя уже? Почти месяц? Достаточно для адаптации... – мурлычет, пока ее губы в соблазняющем жесте проходят по моему подбородку и дразня касаются уголка моих губ.

Я рычу, заводясь. Бросаю:

– Мар, тебе не кажется, что сейчас этот разговор, мягко говоря, неуместен? – грубо подхватываю девушку за талию и усаживаю на рабочий стол. Расстегиваю пряжку на ремне и тяну собачку на молнии джинс вниз.

– А другого времени на разговоры ты мне, Тарханов, не даешь, – звучит с явной обидой. – Ты либо меня трахаешь, либо от меня гасишься. Третьего не дано, – продолжает ворчать Маргарита, но, тем не менее, задирает подол своей юбки, оголяя для меня свои аппетитные формы, обтянутые пошлым бордовым кружевом, которое совершенно ничего не способно прикрыть. Только приукрасить.

– Я был занят. Шайтанов вчера гонял меня по области с

проверками. Ты же в курсе.

– Весь день? Хорошо, а позавчера? Или на прошлой неделе? В выходные ты тоже был во власти Шайтанова?

– По трудовому договору я во власти Шайтанова двадцать четыре на семь до тех пор, пока не уволюсь. Но я что-то не пойму, Марго, мы скидываем напряжение или наваливаем? Если ты хочешь посрать, то точно обратилась не по адресу, – зависаю, мягко говоря, в нелепой позе с приспущенными штанами и, откровенно говоря, с напрочь упавшим «прибором». Потому что, когда ты приходишь выпустить пар, а тебе накидывают угля до кучи, хочется всего чего угодно, но точно не заниматься сексом.

– Я просто хочу знать, какое место в твоей жизни занимаю, – наигранно дует губы девушка, хватаясь пальчиками за резинку моих боксеров, ближе привлекая к себе, шире разводя ноги.

– Самое важное, – вру я без зазрения совести. Ибо развлекаемся мы с Маргаритой – работницей отдела кадров УВД – уже почти два года. И у нас все классно. И что-либо менять я не намерен. Ну, вести ее в ЗАГС и знакомить с огромной оравой своей родни – точно. Она это знает. Я это неоднократно озвучивал. Так что этот дешевый спектакль ни к чему не приведет.

– Важная постельная грелка? – фыркает Марго, тут же хватывая «эмоций», тихо постанывая, когда я поглаживаю ее между ног, где уже влажно и готово к продолжению бан-

кета. Сколько бы она не ерепенилась и не строила из себя обиженку – реакции тела не обманывает никогда.

– Зато это звание дает тебе полный доступ к телу, – утыкаюсь я губами в тонкую шею, покрывая ее хаотичными поцелуями.

– А если я хочу еще и доступ в душу, Тарханов?

– Туда доступ закрыт тяжелым амбарным замком. Мы уже говорили об этом.

– Но все меняется... – шепчет проникновенно Марго, ныря ладошкой в мои боксеры.

Я перехватываю ее взгляд и понимаю, что сейчас она совершенно серьезно пытается залезть не только в мои трусы. Но и куда глубже. И желание пропадает окончательно. Как и каждый раз, когда женщины имеют притязания на мое сердце – я предпочитаю сбежать.

– Знаешь, думаю, сегодня у нас полетать не получится, детка, – вытаскиваю женскую руку из своих трусов и натягиваю штаны на задницу, каждым четким движением транслируя свою решимость.

– Что? – округляет глаза девушка. – Но почему?

– Погода нелетная, – на ходу привожу себя в человеческий вид, одергиваю футболку и подхватываю с пола рубашку. – К тому же мне пора на развод.

– Какой, к черту, развод? Ваш Шайтанов обещал приехать только к обеду! – возмущается Марго, спрыгивая со стола. – Демид! – кидает мне в спину, но я уже решительным щелч-

ком поворачиваю ключ в замке и выхожу из кабинета Маргариты. – Только попробуй сейчас уйти, Тарханов! Я... да я...

Я, не оборачиваясь, вскидываю руку в жесте «пока» и быстренько ретируюсь, пока на меня не вздумали навешать лишних ожиданий.

Хреновая ситуация.

Хреновое начало дня.

В кабинет к своим операм захожу без стука. Мне тут опшираться как-то привычнее и веселее, хотя у меня, как у начальника, есть своя каморка «два на два». Но использую я ее больше для складирования документов. Зато здесь мой стол девственно чист. И я закидываю на него свои ноги, падая в кресло. Достая из верхнего ящика пачку сигарет и вытягиваю одну.

– Что, утро не доброе, босс? – хмыкает и прикуривает мне зажигалкой старший лейтенант Павел Самсонов.

– Мягко сказано, – зажимаю я сигарету губами и затягиваюсь.

Самсонов открывает шире окно, около которого и стоит мой стол. Я выпускаю дым, наблюдая, как он ленивой серой дымкой тянется на улицу. Затягиваюсь снова, успокаивая расшатанные нервы. Море шумит вдали. Птички поют. Листва шелестит. И солнце палит. Вокруг столько умиротворяющего, но я ни хрена не умиротворен. Я в тихом бешенстве. Сначала пигалица генеральская. Теперь эта. И всем от меня что-то нужно. И каждая пытается выклевывать мозг. Жен-

щины. Почему с ними всегда так сложно?

– Маргоша опять выделяется? – понятиливо хмыкает капитан Бурков, подгребая к закипевшему чайнику с нелепой желтой кружкой. – Просит колечко и штамп? А я тебя предупреждал, Тарханов, что бабы не умеют просто «по-приколу». Им любовь подавай...

– Только где ее взять, любовь эту? – кидаю риторическое. – Смотрю, у нас появилось кофе? Мне тоже налей.

– По классике: крепкий, без сахара?

Киваю.

Самсонов усаживает свою пятую точку на стол, бросая:

– Если любви нет, отпусти. Может, другой полюбит. Пользуешь девчонку два года, а надежды на будущее не даешь. Непорядок, майор. Она, может, семью хочет, – тянет мечтательно. – Большую и крепкую!

Мы с Жекой переглядываемся. Самсонов – самый молодой из нас троих. Парню едва стукнуло тридцать. И иногда мне кажется, что он до сих пор верит в существование Деда Мороза, единорогов и любовь. Последнее – самое жуткое, как по мне.

– Кто ж ее держит? – затягиваюсь я в последний раз и тушу бычок о стеклянную пепельницу. – Хочет семью – вперед и с песней. Только не со мной. Но она ведь не уходит. Сколько раз за эти два года я пытался стопнуть наши перепихи по-быстрому? Дохрена. Но абсолютно каждый Марго подтягивала меня обратно в свою постель. Так что это я тут

почти что пострадавшая сторона, а не она.

– Это потому что Маргарита не из таких, – авторитетно заявляет Женька, передавая мне мою кружку кофе.

– Не из каких? – спрашивает Пашка озадаченно.

– Ну вот смотри, молодой, есть два типа женщин: те, на ком женятся, и те, кого трахают. Маргарита чисто второй типаж. Не видят в ней мужики потенциальную будущую хранительницу их очага. Вот и пользуют бессрочно. Да и, будем откровенны, вкус на мужчин у нее хреновый.

Самсонов ржет.

Я едва не пускаю носом кофе, бросая грозное:

– А если в глаз, капитан?

– Все, понял. Заткнулся, товарищ майор, – веселится Бурков.

– Лучше скажи мне, что по всякам? Шайтанов с совещания вернется злой как черт и начнет нас гладить против шерсти за эту кипу, – киваю на скопившуюся небольшую стопку папок на столе Жеки.

– Да тут все грустно, печально. Только два скинули. Козу потерянную нашли, бабке передали, дело закрыли. И второе – с кражей золотой цепочки – раскрутили. Вышли на собутыльника, с которым потерпевшая регулярно уходила в нирвану, оказалось, что это он цепочку по пьяни и подрезал, а потом в ломбард сбыл. Написал вчера мне чистуху. Готовится к путешествию в места не столь отдаленные. На этом пока все.

– Плохо. Работать надо активнее, мужики. Дай мне дело с угнанной тачкой. Посмотрю еще раз, может, найду свежим взглядом какую-то зацепку.

– Ты, кстати, так и не рассказал нам, чем закончился прошлый выговор Василича, – передает мне дело об угоне Бурков. – Че, теперь премии лишит за нашу потасовку в клубе?

– Не лишит, – отхлебываю я кофе.

– Проверку устроит? – испуганно подбирается Самсонов.

– Не устроит. Скажите мне спасибо. Собственными нервными клетками вас, олухов, откупаю.

– А если конкретнее?

– А если конкретнее, то жду от вас за эту неделю еще «плюс два» раскрытия. В противном случае, на поклон к Шайтану нашему пойдете уже вы вдвоем, а я куплю попкорн и понаблюдаю, как вам вставляют по пятое число. За работу давайте, – гаркаю на парней.

Они бубнят недовольно, но, как и всегда, четко считывают ту самую грань дозволенности по отношению к руководству, которую переступать себе дороже. Поэтому присаживают свои задницы на рабочие места, и следующие два часа в отделе кипит настоящая бурная деятельность.

После позднего развода с приехавшим генералом, мы с Бурковым решаем сгонять в автосервис – проходящий по делу об угоне – и еще раз хорошенько его прошерстить. Вдруг что упустили. А Самсонов укатывает опрашивать свидетелей по другому делу.

Так, цепляя одно за другое, в суматохе и бесконечных головняках пролетает очередной рабочий день. К дому я подъезжаю, когда на часах уже десятый час, а на улице начинает смеркаться. Едва успев заехать на территорию дома, вижу, что в окнах не горит свет. И качеля на веранде – любимое место Яси – пуста.

– Ну и где мы наводим суету в такое позднее время?

Хватаюсь за телефон и выхожу из тачки. Поднимаюсь на крыльцо дома и набираю еще одной «проблемной» женщине в моем окружении – племяннице. Слушаю длинные гудки. С каждым последующим все больше раздражаясь. Поэтому, когда Яська отвечает, я бросаю максимально недовольным тоном:

– Где ты?

– Дома.

– Дома я. Тебя здесь нет.

– А, ну я это... почти дома.

– Конкретнее.

– Ща! – бросает ребенок и пыхтит мне в трубку. – Во. Ща. Обернись!

Оборачиваюсь.

– Выше смотри! – командует Яся. – И дальше! – ворчливо подсказывает. – Ну, дядь!

Проезжаю взглядом по своим распахнутым воротам, дороге и противоположной улице. Прямо напротив моего дома, за высоким кирпичным забором с коваными воротами,

стоит дорогой современный коттедж. И каков уровень моего ахреневания, когда я вижу Ясемину на территории этого самого коттеджа, стоящую босую на крыльце и машущую мне рукой так активно, что не ровен час – она отвалится? Неопи-суемый.

– Яся, твою... японскую матрешку, – выругиваюсь. – Ты как там оказалась?!

– Ножками, дядя Ди, пришла, – хихикает коза малолет-няя.

– Ты издеваешься надо мной? Опять по чужим участкам ягоды тырила?

– Я не тырила! – возмущенно вопит ребенок. – Я всего лишь на спор с пацанами залезла!

– Хрен редьки не слаще...

– Чо?

– Шланг через плечо. Чо! Вылезай оттуда, пока хозяйка не вернулась, млять!

Узнаю в этом маленьком исчадии Ада свою младшую сестру. У нее тоже детство было вечным квестом на выжи-вание.

Я сбрасываю вызов и широкими шагами слетаю со сту-пенек. Чешу в сторону чужого участка. Пересекаю дорогу и торможу у ворот. Заглядываю внутрь между черных сталь-ных прутьев и громким грозным шепотом приказываю:

– Иди сюда, хулиганка, пока я тебя на пятнадцать суток за хулиганство не принял.

– А вам лишь бы кого-то принять, товарищ майор, – слышу ехидный женский смешок.

Резко оглядываюсь на звук. С заднего двора идет мое новое оперативное «задание» на длинных ногах. Василиса-папочкина-принцесса-Антипова, едва прикрытая черным чем-то, что словом «купальник» язык не поворачивается назвать. На плечах длинная прозрачная накидка, развивающаяся на ветру. На голове элегантная соломенная шляпа с широкими полями.

Краснодарский край с Монако перепутала?

Позерша.

Поправочка – секуральная позерша.

– Ваше высочество, – скалюсь я недобро.

– Опереныш, – улыбается во все тридцать два белоснежных зуба Василиса. – Вот уж кого я здесь точно не ожидала увидеть, так это вас.

– Я тоже не быюсь в конвульсиях от восторга такого соседства. Хотя по внешнему виду дома мог бы догадаться. Папины принцессы только в таких замках и живут.

– Ну, а у вас вполне милая пенсионерская халупка. Век дожить сойдет.

– А мы звезд с неба не хватаем. Кстати, дракон у вас в наличии тоже имеется?

– А как же. Вон там, через дорогу живет. Только не дракон, а цепной папочкин пес. Папочка командует «голос», товарищ майор говорит «гав».

– Коза, – рычу я, стиснув зубы.

Как будто я самолично вызвался ее пятую точку охранять!
Да на хрен бы она мне не сдалась!

– Мужлан, – расплываясь в широченной улыбке, шепчет Антипова.

Бодаемся взглядами, схлестнувшись упрямством. Ни девчонка, ни я первым отступить не намерены. Наверное, так и стояли бы до рассвета по обе стороны ворот – злые и напряженные – если бы не подошедшая Яся с вопросом:

– А вы что, знакомы?

– К сожалению.

– О да.

Выдаем мы с Василисой в голос. И в наших репликах столько недовольства, что ребенок в ответ лишь тянет неопределенное:

– М-м-м.

– Яся, мы уходим.

– Но у нас там пирог... с клубникой... скоро... дядь Ди...
– мямлит ребенок.

– Домой. Марш! – командую я, наконец-то прерывая наши с «высочеством» гляделки, внушительно смотря на племянницу, явно недовольную подобным развитием событий.

– Ладно, – насупившись, подхватывает свои босоножки с крыльца Яся и топает в мою сторону по брусчатке босыми ногами, всем своим видом выражая недовольство. – Ты злой!

– Гав-гав, – ехидно стреляет глазами в мою сторону Васи-

лиса.

– Закрой... – вскидываю палец и тут же себя торможу.

Вдох-выдох, Тарханов.

– Что, прости, «закрой»?

– ...дверь. Дверь закрой хорошо. Чтобы папочкиному псу не пришлось ночью дежурить у твоей королевской будки, отгоняя голодных волков.

Василиса хмыкает и приторно-сладким голосом щебечет:

– Рада была познакомиться, Яся!

– Ага, – бросает мое очаровательное исчадие Ада, не оглядываясь. – Я тоже, – шлепает надутая на наш участок.

Я нагоняю мелкую уже у ворот, предупреждая:

– Чтобы больше ноги твоей не было в этом доме.

– Как это? – охает мелочь.

– Обыкновенно.

– Да почему?!

– Потому что я так сказал. А здесь мое слово – закон.

– Да это ту-у-упо! Ну!

– Не спорю. Но ты меня слышала.

– Василиса – моя новая подружка. Друзей не бросают!

– Найди себе подружку помоложе, – говорю вслух, мысленно добавляя: «А то эта двадцатитрехлетняя – авторитет сомнительный. Шут его знает, чему плохому научит». – Лет десяти будет в самый раз, – договариваю.

– Вот ты себе такую и найди! – огрызается козюля и топает в сторону дома.

Я закрываю ворота и ставлю тачку на сигнализацию. Поднимаюсь на крыльцо. Яся сидит на качеле, болтает ногами и ехидно улыбается. Оттаяла. И это у нее тоже от матери. Умение менять свое настроение по десять раз в минуту. С ужасом представляю, что за нестабильная женщина из нее вырастет. Ни один мужик застрелится с такой зазновой.

– Дядь Ди, слушай, а она что, назвала тебя опарышем? – хихикает племяшка.

– Ха-ха. Очень смешно. Запишу тебя к ЛОРу. Пусть фильтр в твоих ушах проверит. А то он удивительным образом избирателен. Я сколько раз говорил тебе не слоняться по чужим домам и не рубиться на спор с местными пацанами?

– Ну а что мне делать? Сидеть дома и вышивать крестиком?

– Хотя бы.

– Скучно. И зашкварно.

Мой телефон в кармане джинс коротко вибрирует.

– Зашкварно ей. Когда-нибудь тебя точно поймают на месте преступления, по жопе ремнем отходят, у меня отберут и в детский дом упекут. Вот там точно будешь зашкварно ждать приезда матери до второго пришествия.

– Че так мрачно-то?

– Проза жизни веселой не бывает. Иди в дом. Ужин разогревай. Я сейчас приду, – бросаю племяшке и достаю трубу. На экране висит уведомление – новое сообщение от абонента «Шайтан».

Ну что там еще за сюрпризы?

Открываю. Читаю. Мысленно вою, физически поигрываю челюстями от раздражения.

Шайтан: «Тарханов, завтра ты на оперативном задании «Принцесса». Сопроводишь объект на съемку. Глаз с нее не спускать. Антипов нервничает, а нервный Антипов – минус квартальная премия всему отделу. Как понял?»

Бросаю злой взгляд на участок через дорогу.

Как понял?

Хорошо понял.

Хорошо понял, что я в полной жопе без права на амнистию.

Глава 4. Ты влип, товарищ майор

Василиса

– Да чтоб тебя!

Цепляюсь носком кроссовка за приступок у ворот и едва не лечу мордой в брусчатку. В последний момент хватаюсь за кованую завитушку калитки, повисаю на ней, как мешок с картошкой, но удерживаюсь на ногах. Рюкзак с аппаратурой предательски съезжает с плеча и долбит меня по затылку.

Прекрасное начало дня. Ровно в три часа ночи.

Под глазами огромные круги, зато настроение сегодня боевое. В кои-то веки я еду снимать не ради работы, а для себя. Для души. И для блага, в котором у меня, между прочим, без малого восемьдесят тысяч подписчиков, ждущих новую серию с рассветом в горах.

Поправляю рюкзак. Выдыхаю. Вытаскиваю телефон – так-си уже подъезжает к воротам, белая машина мигает фарами в предрассветной серости. Водитель притормаживает у обочины.

Я подхожу к ней. Берусь за ручку задней двери. И в этот самый момент огромная ладонь впечатывает дверь обратно с таким хлопком, что мужик за рулем вздрагивает.

Я медленно поднимаю глаза.

Ну конечно. Товарищ опереныш. Куда же без него.

Весь помятый, явно не выспавшийся, еще и злой как черт, вон какие глаза краснющие. Одет в черную футболку, обтягивающую широкие плечи, и спортивные штаны. И смотрит на меня так, будто я лично виновата во всех его жизненных бедах. Хотя, может, так оно и есть?

– И куда это мы намылились в такую рань, ваше высочество? – цедит, не убирая руку с двери.

– Не ваше дело, товарищ майор. Идите спите дальше. У вас, я смотрю, недосып.

– Недосып у меня из-за тебя, принцесса.

Прелесть какая. И почему, интересно, виновата, как всегда, я, м?!

– Машину отпустите, – дергаю ручку. Дверь не поддается. Под этой лапищей она держится крепче, чем крышка на бабушкиной банке с огурцами, которую не берет ни нож, ни горячая вода, ни матерное слово.

Таксист, надо отдать ему должное, мужик не из робких. Высовывается из окна, оценивает ситуацию: молодая девчонка ночью, и рядом с ней здоровенный небритый мужлан, наглухо перекрывший ей путь, и подает голос:

– Эй, парень, ты чего к девушке пристаешь? А ну отойди от машины, иначе полицию вызову!

Я едва не прыскаю.

И вот тут Опереныш делает то, от чего у меня сводит зубы. Лезет в карман, вытаскивает корочку и разворачивает ее

прямо перед лицом несчастного таксиста.

– Полиция уже здесь. Майор Тарханов, УГРО. Свободен, отец. Девушку я заберу.

Дядька смотрит на корочку. На Демида. Снова на корочку. И сдувается на глазах.

– А-а... Ну это... Раз такое дело... Вы извиняйте, я ж не знал... – бормочет он, и не успеваю я и слова вставить, как машина уже шуршит шинами по асфальту и сворачивает за угол.

Ну зашибись. Бросил меня. Я тебя запомнила, предатель. Я разворачиваюсь к Тарханову. Медленно. С таким выражением лица, которое заставляло пугаться даже папиных подчиненных.

– Ты совсем края потерял? Это что было?

– Это была отмена твоей самостоятельности, – невозмутимо отвечает он, убирая корочку обратно. – У меня приказ. Куда ты – туда я. А ты решила свалить, никого не предупредив. Молодец. Пятерка за попытку.

– Я не обязана перед тобой отчитываться!

– Обязана. Скажи спасибо своему папочке, который, между прочим, звонит моему начальству каждое утро и спрашивает, жива ли его ненаглядная принцесса. А я отвечаю за то, чтобы ты была жива. Так что да – обязана.

– Иди к черту, Опереныш! Я еду в горы снимать рассвет. Одна. Для себя. Без тебя. Это не входит в твои... в твое это все.

– Входит. Все, что ты делаешь, выходя за эти ворота, входит, – этот невыносимый мужлан скрещивает руки на своей необъятной груди так, что футболка начинает жалобно трещать. – Так что либо едешь со мной, либо никуда не едешь вообще.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Рассвет, между прочим, ждать не будет, тут каждая минута на счету, а из-за этой дурацкой перепалки у меня будет минус один кадр, который я больше никогда не поймаю.

– Ах так, да?

– Да!

– Тогда я лучше пешком пойду! – рывкаю и, вздернув подбородок, разворачиваюсь в сторону дороги.

– Куда собралась? – прилетает в спину.

– На Луну. Хочешь со мной?

– Васили-и-иса.

Растягивает мое имя так, что становится понятно – нервы у человека на исходе. Ну и пожалуйста. У меня они тоже не железные.

Делаю ровно три шага.

А потом мир переворачивается.

В буквальном смысле. Воздух вышибает из легких, потому что я внезапно складываюсь пополам поперек чего-то твердого, теплого и пахнущего древесным парфюмом с примесью кофе. Земля оказывается надо мной. Небо – внизу. Рюкзак болтается где-то сбоку. А перед моим лицом мель-

кает мужская крепкая задница.

Этот неандерталец закинул меня на плечо. Класс.

– А ну поставь меня на землю! – ору я, колотя кулаками по широченной спине, которая на мои удары реагирует примерно как стена реагирует на дождь. То есть – никак. – Тарханов! Я не шучу! Это похищение! Это статья!

– Сто двадцать шесть, часть первая, – спокойно отзывается он, неся меня к своему внедорожнику. – До пяти лет. Готов рискнуть.

– Поставь меня немедленно, псих!

– Как только, так сразу...

– Ты хоть представляешь, что папа с тобой сделает за такое обращение со мной?!

– Очень хорошо представляю. Именно поэтому ты сейчас едешь со мной, а не чешешь пешком по трассе в три часа ночи, где тебя подберет первый встречный маньяк. И вот тогда твой папочка точно с меня шкуру спустит.

– Ненавижу тебя, – шиплю ему куда-то в район лопатки.

– Взаимно, – бодро откликается майор.

Он открывает дверь внедорожника и аккуратно опускает меня на пассажирское сиденье. Вид у меня сейчас, наверное, как у разъяренной кошки, которую насильно засунули в переноску. Кудри растрепались, щеки горят, и я готова его убить. Прямо тут. Голыми руками.

– Пристегивайся, – говорит он, захлопывая дверь.

В дороге я молчу первые десять минут. Из принципа. Де-

монстративно глядя в окно, пока за стеклом город сменяется предгорьями, а трасса – серпантином.

Моя нянька тоже молчит. Только сопит. И барабанит пальцами по рулю.

– Ну и куда тебе там надо, в эти твои горы? – не выдерживает он первым.

Я молчу.

– Антипова.

Молчу.

– Если я не узнаю, куда ехать, мы будем кататься, пока бензин не кончится. И твой рассвет, ради которого ты подняла меня в такую несусветную рань, ты будешь снимать на заправке. Через стекло.

Вот тут я сдаюсь. Потому что он, зараза, прав.

– За санаторием, – цежу сквозь зубы. – Тропа от парковки. Знаешь?

– Знаю, – мужчина чуть прибавляет газу. – Там час подъема. Минимум.

– Час пятнадцать. Если не торопиться.

– Ты в этих кроссовочках по камням собралась топать?

– А что не так с ними?

– Все не так. Это городская обувь. На первом же сыпуне навернешься.

– Я снимаю в горах с семнадцати лет, Опереныш. Да я в этих кроссовках на Эльбрус восходила, а ты в своих армейских ботинках, наверное, только до магазина за пельменями

ходишь.

Майор хмыкает, и в этом звуке, кажется, проскальзывает что-то почти похожее на уважение. Чуть-чуть. На полграмма.

Я, конечно, приукрасила, потом-то я переобулась, а не топала до самой вершины, но ему об этом знать не обязательно. Тоже мне умник нашелся.

– Эльбрус, значит?

– До седловины. Не делай такое лицо.

– Какое «такое»?

– Вот это твое самое любимое: «Да эта папина принцесса сама даже шнурки завязать не может», – кривляюсь, изображая этого невыносимого типа. – Я его уже наизусть выучила. Оно у тебя появляется каждый раз, когда ты видишь меня.

– Появляется. Потому что это правда, – невозмутимо отзывается майор, выкручивая руль на очередном витке серпантина. – Папина принцесса, которая сама даже шнурки завязать не может – это сто процентов про тебя. Иначе зачем он меня к тебе приставил?

– Я тебе сейчас этими шнурками рот завяжу.

– Попробуй, – хмыкает он, и я физически чувствую, как этот гаденыш наслаждается тем, что я ему по факту сделать-то ничего не смогу. Слишком уж разные у нас весовые категории.

Замолкаю. Смотрю в окно.

За стеклом уже совсем другой мир. Город остался где-то

далеко внизу, в желтых пятнах фонарей, а тут – темнота, прошитая первой серой полоской на востоке. Сосны черными лапами цепляют небо. Воздух даже через приоткрытое окно – другой. Холодный, мокрый, пахнущий хвоей.

Я люблю это.

Это то самое, ради чего я сегодня не сплю.

– Слушай, а ты вообще когда-нибудь рассвет в горах видел? – спрашиваю, сама не знаю зачем. Просто само как-то вырывается.

– Видел, – коротко.

– И как тебе? Скажи же: «Красиво, аж дух захватывает», – мечтательно тяну.

– По-разному. Чаще всего, когда возвращался с задания и хотел только одного: упасть и сдохнуть.

Я кошусь на мужчину, а он, кажется, не шутит. Профиль каменный, на скуле дергается желвак.

– Романтик ты, конечно...

– Романтики у нас в морге лежат. Те, кто полез в горы один, без подготовки, потому что «ах, как красиво, аж дух захватывает», – на секунду майор поворачивает голову в мою сторону, смотря прямо мне в глаза и заламывая бровь.

Это он на меня намекает, что ли?

– Я не одна. Со мной целый майор УГРО. Вооруженный. Злой. Голодный.

– Голодный – это ты в точку, – ворчит мужчина. – Из-за тебя даже кофе глотнуть не успел.

– Ой, бедненький.

– Антипова.

– М-м?

– Заткнись на пять минут. Тут поворот опасный. Сброшу тебя ненароком.

И я, как ни странно, затыкаюсь. Потому что поворот реально опасный – обрыв с моей стороны такой, что желудок поджимается. А он ведет машину спокойно, одной рукой, будто всю жизнь по этим серпантинам и ездил. Может, и ездил. Я про него вообще ничего не знаю.

Майор. Нахал. Грубиян. Все.

И зачем-то смотрю на его руки, которые так сексуально крутят руль. Такие большие. С длинными пальцами. С разбитыми костяшками...

Стоп. Я что, сказала, что у него сексуальные руки? Фу-фу, чур меня! Антипова, ты, кажется, головой ударилась сильно, раз такую чушь несешь.

Отворачиваюсь.

Паркуемся у санатория, когда небо уже начинает сереть всерьез. Я вылетаю из машины, как ошпаренная – открываю рюкзак, проверяю камеру, штатив, объективы. Времени в обрез. Рассвет ждать не будет.

– Тропа там, – машу рукой в темноту между соснами. – Догоняй, дедуля.

И ломлюсь вверх.

Первые двадцать минут я героиня. Лечу как лань. В голове

уже выстраиваются кадры: вон с того уступа, потом с гребня, потом, если успею, с самой верхней точки.

На двадцать пятой минуте лань начинает сдыхать.

Тропа идет вверх под таким углом, что я уже не иду, а карабкаюсь, цепляясь за корни и камни. Дыхание сбивается. Рюкзак с аппаратурой весит килограмм восемь, между прочим, и тянет к земле. Кудри липнут ко лбу. Кроссовки скользят на сыпуне ровно так, как он и обещал.

Вот же зараза всевидящая!

А Демид спокойно и ровно идет сзади, и даже не запыхался, медведина противная. Идет так, будто не в огромную гору лезет, а по парку в воскресенье прогуливается. И молчит. А я спиной чувствую, как он молчит. С каким именно выражением лица он молчит. Аж бесит.

– Помощь нужна? – наконец роняет майор мне в затылок.

– Нет, сама, – выдыхаю.

– Рюкзак давай.

– Сказала же – сама!

– Антипова, ты сейчас ляжешь тут, и я тебя на себе понесу. Опять.

– Не дождешься.

И лезу дальше. Из чистого упрямства. Просто потому что отдать ему рюкзак – это признать, что он прав, а я слабая папина принцесса, и вот этого он от меня не получит. Сдохну, но не сдамся.

Ноги горят. Легкие горят. Все горит.

Но – лезу.

Этот невыносимый тип больше не предлагает помочь. Просто идет следом, и я слышу его ровное дыхание, и почему-то от этого ровного дыхания за спиной мне становится немного легче. Как будто бы если я навернусь с этого сыпуча, он успеет. Подхватит. Спасет.

Глупость какая-то опять в голову лезет.

На вершину я выползаю ровно в тот момент, когда край неба наливается золотом.

И забываю, как дышать.

Не от подъема – хотя и от него тоже. А от того, что открывается перед глазами.

Внизу, под ногами – море облаков. Белое, плотное, как взбитые сливки, оно лежит в долине, и из него черными островками торчат вершины гор. А над всем этим – небо. Сначала серое, потом сиреневое, потом по краю – тонкая раскаленная полоса, и она ширится, плавится, заливают все вокруг этим невозможным, жидким золотом.

– Капец, – выдыхаю.

И тут же прихожу в себя.

Срываю рюкзак, выхватываю камеру, ставлю штатив трясущимися от усталости руками. Выкручиваю настройки на ходу. Диафрагма, выдержка, баланс белого – пальцы делают все сами, пока глаза жадно ловят, как меняется свет.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

Перевожу камеру правее. Хочу взять вершину с одинокой сосной на краю уступа. Оборачиваюсь, чтобы переставить штатив.

И замираю, когда на самом краю уступа замечаю Демида, стоящего спиной ко мне, повернувшись лицом к разгорающемуся солнцу. Руки в карманах штанов. Шальной сильный ветер треплет его темные волосы, бросая непослушные пряди прямо на лоб. А его тяжелый, суровый профиль с упрямой линией скул, с бородой и с этим хмурым изломом бровей сейчас залит золотистым светом так, что у меня перехватывает дыхание.

Мужчина не позирует мне. Он даже не знает, что я смотрю на него. Он просто стоит и смотрит на рассвет, и на его лице нет ни ехидства, ни этой вечной насмешки. Там есть что-то другое, то, чему я не могу никак подобрать определение.

И черт. Черт, черт, черт.

Я никак не могу упустить этот кадр. Просто обязана это сфоткать.

Мои руки уже сами поворачивают камеру и ловят его в объектив.

Золотой свет. Темный силуэт. Ветер в волосах, облака, словно стелющиеся у ног майора.

Я задерживаю дыхание.

И снимаю.

Щелк.

Один есть. Перевожу фокус. Щелк. Второй – майор чуть наклонил голову. Щелк. Третий – ветер бросил прядь ему на глаза.

Не дышу вообще. Лишь ловлю каждое мгновение – жадно, воровато, зная, что нельзя, но совсем не в силах остановиться, потому что Демид сейчас красивый. До неприличия. До оторопи. Этот невыносимый мужлан почему-то в этом самом свете кажется самым красивым мужчиной, которого я когда-либо ловила в свой объектив. Такой открытый, честный, настоящий.

Щелк.

Последний, четвертый щелчок раздается чуть громче, чуть отчетливее. Ветер на мгновение затихает, и тихий металлический «клац» затвора моего фотоаппарата прокатывается по вершине предательски ясно.

Тарханов резко поворачивает голову в мою сторону.

Я застываю с камерой у лица так, будто меня застучали с рогаткой у разбитого окна.

Его глаза находят меня. Скользят по камере, направленной прямо на него. И медленно, очень медленно сужаются до узких щелочек.

От тепла, которое только что было на его лице, не остается и следа.

– А ну-ка дай сюда камеру, Высочество, – произносит едва слышно, и от этого тихого голоса у меня по спине бежит холодок. Он делает шаг ко мне. – Посмотрим, что ты там на-

снимала.

Упс.

Надеюсь, в силу своего возраста товарищ нянька не знает, что такое облачное хранилище? Потому что фотки в памяти фотоаппарата он явно заставит удалить.

Глава 5. Благотворительность

Демид

Чтоб мне сдохнуть, если я позволю девчонке еще раз втянуть себя в подобное приключение, – ворчу и морщусь, пытаясь размять болезненно ноющую поясницу. Двигаю корпусом, но от одного неловкого движения простреливает до звезд в глазах.

Мышцу защемило вчера. По началу все шло хорошо. За потугами и упрямством неподготовленной к прогулкам по пересеченной местности Антиповой даже было забавно наблюдать. Да и рассвет в горах – вещь действительно красивая, уникальная и романтическая. А я романтик. Вопреки убеждениям юной особы.

Короче, да, в целом я даже был не против того похода. Но ровно до тех пор, пока мы не начали спускаться обратно к тачке. Тогда Высочество начала творить какой-то треш. Нет, я, конечно, слышал, что фотографы и блогеры – люди уникальные и ради годного контента готовы на любую дичь, но не до такой же степени?

В общем, когда эта ненормальная решила залезть на дерево, чтобы сфоткать небо сквозь листву – я проглотил. Когда разлеглась в своем спортивном костюме на голой земле –

тоже спустил на тормозах. Но когда эта дурында рванула на отвесную скалу, на самый, мать его, край, который держался только на вере в него вот таких дураков – мое сердце и нервы не выдержали. Я решил, что вряд ли генерал Антипов погладит меня по голове, если его чадо сорвется с черт-знает-скольки-метровой высоты и свернет себе шею. Побежал ловить. Девчонка начала упираться. Завязалась небольшая потасовка, и вот итог. Защемление: мышц, нервов и моего мужского достоинства. Теперь страдаю.

– Мужики, у нас есть здесь обезбол? – спрашиваю у парней.

– Посмотри в коробке на сейфе. Вроде Танька моя что-то приносила, когда я ногу подвернул, – бросает Жека, не отрывая взгляд от монитора.

Я поднимаю свою тушу из-за рабочего стола и топаю, куда отправили. Обезбола в коробке не нахожу, но есть мазь от ушибов и растяжений.

– Самсонов, намажешь спинку? – гогочу.

– Сходи к Марго, она намажет, – игриво дергает бровями коллега.

– О, нет, спасибо, – кидаю тубик обратно. – Эта мне не только намажет, но и вмажет за десяток пропущенных со вчерашнего дня.

– В очередной раз расстались? – интересуется Бурков.

– И да, и нет. У меня не хватает на ее загоны внутреннего ресурса. После появления Антиповой моя жизнь стала мно-

гозадачной и в вечном стрессе.

Женька открывает рот, явно планируя съязвить на этот счет. Но тут в дверях вырисовывается фигура дежурного с листком в руках и вопросом:

– Мужики, заняты?

– Смотря для чего интересуешься, Потапов, – бросаю я.

– Надо нового «клиента» принять. Вот, – передает мне в руки, как я понимаю, заявление от пострадавшей. Пробегаю глазами по ровным, старательно выведенным шариковой ручкой строчкам. – Кража? Не пойму, что подрезали? Садового гнома? Ты издеваешься? – поднимаю офигевший взгляд на дежурного. – Мы убойный отдел. Мы убийц, маньяков и насильников ловим. Пусть этим дерьмом занимается участковый.

– Так участковый ее сюда и направил. Не в его юрисдикции, говорит. Да и бабулька там – божий одуванчик. Жалко ее. Примите, а, парни?

– Ладно, – потираю я переносицу. – Приглашай, – в конце концов, всегда можно изобразить бурную деятельность для отвода глаз.

Рабочая смена сегодня тянется, поясница ноет, настроение на нуле, желание быть «супергероем» этого города – тоже. В обед я все-таки закидываюсь таблеткой обезболивающего, ибо дальше работать придется «в поле». Мне становится чуть легче жить. Однако в шестом часу я делегирую свои обязанности Буркову и, едва Шайтанов уезжает из от-

дела, сваливаю домой.

Яси, разумеется, нет. Я уже начинаю привыкать, что эта девчонка — дитя свободы. Носится где-нибудь опять с пацанами и пакостит. Но до тех пор, пока соседи не жалуются и руки-ноги неугомонного ребенка целы, я спокоен.

Я принимаю душ и заваливаюсь на кровать. Планирую вздремнуть полчаса, но от боли, стресса и усталости меня выключает на целый час, а поднимает очередной трезвон телефона.

Открываю один глаз и бросаю взгляд на экран телефона. Марго.

Вырубаю звук, снова ее проигнорировав. Да, я тот еще козлина. Но успокаиваю себя тем, что берегу ее нервы, потому что разбираться с нашими подвисшими в воздухе взаимоотношениями у меня нет никаких моральных сил. Я попросту могу сорваться и наговорить много грубого и неприятного. Потом не отмоемся. Оно нам надо? Исключая все прочее, секс у нас классный. И я не имею желания этот «бонус» терять.

Но не проходит и десяти минут, как я снова вылетаю в астрал — отключаюсь, короче. Напоследок поймав в своей голове неприятную мысль: как же быстро и качественно меня умотала молоденькая девчонка. Неужели я реально настолько старый?

В следующий раз просыпаюсь, по ощущениям, проспав пару-тройку лет. Но часы говорят, что прошел всего лишь

час.

На первом этаже слышится какой-то шум.

Я нехотя отрываю чугунную голову от подушки и выхожу из своей спальни, по пути натягивая футболку. Ерошу ладонью короткий ежик волос на затылке. Разминаюсь на ходу. Действие таблетки явно подходит к концу.

– Яся, ты уже поужинала? – кричу племяншке, заруливая на кухню.

От неожиданности сбиваюсь с шага.

– Привет, милый! – чешет ко мне походкой от бедра Маргарита в белом фартуке с фламинго и с противенем в руках. – А мы вот тут с Ясенькой готовим лазанью на ужин. Ты, кстати, вовремя, – проходится поцелуем по моей щеке девушка, подлавливая меня на моменте полнейшего ступора.

– Я Яся, а не Ясенька, – бурчит недовольно племяншка у Марго за спиной. Смотрит на меня, округляя глаза в приговорном ужасе, изображая жестом, что ее сейчас вырвет от «приторности» момента.

Согласен, что-то меня тоже начало мутить.

– Ты как здесь оказалась? – спрашиваю грубее, чем следовало бы.

– Ножками, Тарханов, ножками, – лихо отбрасывает меня подруга, как ни в чем не бывало приземляя свою лазанью на стеклокерамическую поверхность плиты. – У вас есть деревянная лопаточка? Что-то я не вижу, – оглядывает по-хозяйски кухню и выглядит в этот момент так, словно она к ней

уже приросла.

А что, если она больше никуда не уйдет?

От такой мысли меня прошибает холодный пот.

Я люблю, когда женщина хозяйственная и вкусно готовит, но, хоть убейте, не вижу в роли хозяйки моего дома Маргариту. Будем честны, я уже много лет ни одну женщину не вижу в этой роли. Я счастливый, одинокий, холостой медведь, который любит тишину в своей унылой серо-белой берлоге. А женщины – это сплошной шум: аудиальный и визуальный. Появившаяся в моем доме месяц назад Ясемина – тому наглядное подтверждение. Не проходит ни дня, чтобы у меня не задергался глаз от какой-нибудь брошенной посреди гостиной цветастой игрушки, подушки, раскраски или еще бог знает какой детской ерунды.

– Демид, – напоминает о себе гостья.

Я молча открываю ближний к раковине ящик и достаю деревянную лопатку.

– Спасибо, дорогой. Давайте за стол, будем ужинать.

От «дорогой» меня передергивает. Нет, блин, так не пойдет.

– Ясь, сгоняй в магазин, – бросаю я мелкой, не сводя глаз с девушки.

– Зачем? У нас все есть, – барагозит Яся. – Вон даже эта... лизанья с червяками.

– Лазанья с фаршем, – поправляет ребенка Марго.

– Да какая разница? – фыркает Яся. – Не пойду. Я устала.

У меня коленка болит. Я сегодня во! – закидывает ногу чуть ли не на стол ребенок. – Упал, очнулся, колено в мясо, ы-ы! – гордо задирает нос.

Я закатываю глаза. «В мясо» – громко сказано. Только кожу немного содрала. Что неудивительно, если так носиться.

– Даже за мороженым идти нога болит?

– С шоколадной крошкой? – загораются азартом глаза мелкой.

– И суфле.

– Я пуля-ракета! – подскакивает с места Яся, бегом топая обуваться.

– Карточку возьми на тумбе в прихожей и не вздумай купить себе два и слопать одно по дороге, до ужина. Уши надеру!

– Уши надеру, – слышу, как передразнивает меня козюля, и уже через считанные мгновения хлопает входная дверь.

– Демид, ты неправильно воспитываешь девочку, – первое, что я слышу от Марго, едва мы остаемся наедине.

Я перевожу на нее вопросительный взгляд, мол: разве я спрашивал твое мнение? На что Маргарита имеет наглости передернуть плечами и, фыркнув, отвернуться.

– Повторю свой вопрос: как ты здесь оказалась и, главное, зачем? – напускаю в свой тон максимальный уровень недовольства ситуацией. – И сейчас давай без увеливаний.

– Ты не отвечал на мои звонки. Я беспокоилась.

– За свой паспорт без штампа или за меня?

– Фу, как грубо, Тарханов! Я действительно не находила себе места. Ну и хотела познакомиться с твоей племяншкой, что уж греха таить. Решила своим приездом убить сразу двух зайцев.

– А убил мое к тебе хорошее отношение, – бросаю я. – Ты же в курсе, что я терпеть не могу самоуправство?

– Ну не говори так, Деми-и-ид, – поджигает обиженно губы девушка, повиснув на моем плече, заискивающе глядя глаза в глаза. – Я же это все не из вредности, а потому что ты мне реально нравишься, – ползут женские пальчики по моей шее, касаются колючей бороды и губ. – Между прочим, твои опера сказали, что ты потянул мышцу и тебе не помешал бы разогревающий массаж, – понижает голос до сексуального шепота Маргарита. – Могу уделить внимание не только твоей больной спине...

– На которой ты висишь, кстати.

– Ой, прости! Больно?

– Больно. От того, что мои коллеги треплются, как базарные бабы. Адрес тоже они спалили, черти?

– Я работаю в отделе кадров. У меня есть доступ к базе данных всех работников. Забыл?

– Забыл. Что ты самостоятельная и изобретательная – забыл.

– Ну ты как всегда, Тарханов! – тут же психует Марго, отстраняясь. – К тебе с добром, а ты язвись и кусаешься. Что с тобой не так? Любой другой был бы счастлив такой,

как я!

– Ну так и найди себе «любого другого». Какого хера ты мне мозги компостируешь? – психую я в ответ. – Не беру трубку – значит, не хочу разговаривать. Не захожу – значит, в твоих услугах не нуждаюсь. Что непонят... – не успеваю договорить, как кухню наполняет звук звонкого шлепка. Маргарита заезжает мне по лицу размашистой пощечиной. Хорошо так заезжает.

Я от боли стискиваю челюсти и дышу через нос, пытаюсь поймать дзен и не пиздануть что-нибудь еще более обидное. А хочется. Ох как хочется!

– Мудак конченный! – взвизгивает и срывает фартук девушка, швыряя тот на пол. – Я тебе не проститутка, чтобы «услуги» оказывать! – Со психу переворачивает полный румяной лазаньи противень и вылетает в прихожую, буквально на бегу запрыгивая в туфли на высокой шпильке. – Не хочешь нормальных, здоровых отношений – ну и не надо! Ну и хрен с тобой! Для трах-развлечений поищи себе другую «согласную» дуру! – Хватает сумочку, очевидно, уже точно бывшая любовница. – И девчонка у тебя хабалка! Хотя чему удивляться, с таким-то примером. Тьфу! – Бросает и вылетает из дома.

Я стою в дверном проеме и провожаю фигуру Марго взглядом. Каждый «цокот» ее каблучков по брусчатке словно сильнее вбивает гвозди в крышку гроба, в котором мы только что похоронили два года отменного секса.

Черт, наверное, это очень хреново, что в этот момент я не чувствую себя виноватым, а лишь несчастным оттого, что теперь утолять естественные потребности тела станет в разы сложнее?

Ладно, будем честны, к этому шло уже давно. Марго уже давно начала накидывать на меня лишнюю ответственность и требовать то, чего я никогда ей не обещал. Подобный итог был вопросом времени.

Машина бывшей подруги срывается с места с таким визгом шин, что его слышит, кажется, весь район. Скатертью дорога.

Я захлопываю дверь и возвращаюсь на кухню, где потенциально вкусный ужин неаппетитной кучей валяется на полу.

– Никак не могла не поднасрать напоследок.

Вздыхаю и тащу из уборной щетку с совком. С простреливающей болью в пояснице приходится приноравливаться, чтобы убрать с пола безобразие. Проклинаю Василису за вчерашний поход, Маргариту за скандал и Ясю за то, что впустила в дом демона, успеваю сгрести ровно половину всего, когда за спиной раздается свист и веселое:

– Я смотрю, у вас тут весело, товарищ надзиратель.

Бросаю взгляд через плечо.

Ну конечно, куда же без нее? Поразительное умение появляться именно в тот момент, когда у меня все идет через задницу.

– Пришла добить?

– Ты обо мне слишком плохого мнения. Не-е-ет. Просто поглумиться, – расплывается в своей фирменной довольной улыбке Василиса и кивает на мусорное ведро, полное зазря переведенных продуктов. – Что, лазанья не удалась?

– Вечер не удался.

– Оу, надеюсь, это никак не связано с дамочкой, что сейчас отъезжала от ваших ворот? Такая нервная. Буэ. Чуть столб ЛЭП с собой на крыше не увезла. Или она твоя подруга? Судя по твоему красноречивому взгляду – я угадала. Правильно, нервные люди должны держаться вместе.

– Временами я не могу понять, тебе реально так нравится звук собственного голоса или просто фильтр между мозгом и языком не предусмотрен, и ты мелешь все без разбору?

– Скорее первое, – и не думает обижаться Антипова. – Хотя второе тоже под вопросом. Может подскажешь, у какого доктора можно проверить наличие данного девайса?

– У психиатра. Могу дать контакт проверенного специалиста.

– Обращался? Я так и думала, что у тебя не все дома.

– Хуже. Принимал на двое суток за мелкое хулиганство, – откладывая щетку. – Чего тебе, Высочество? У меня нет сил разбираться сегодня еще и с твоими тараканами.

– Ничего, – хлопает своими большими глазами с пушистым веером ресниц девчонка. – Принесла гуманитарную помощь. Хотела отдать на благотворительность в дом престав-

рельных, но решила, что тебе, Терминатор, это сейчас нужнее, – всовывает мне в руки пакет девушка, при этом сияя так ярко, что аж слепит.

– Что за хрень?

– Да тут сорока на хвосте принесла, что у тебя поясничку после вчерашней прогулки клинануло. Вот мне и стало известно, у тебя все-таки возраст... все дела.

Я заглядываю внутрь пакета и сначала не вдупляю, что там. Но когда картинка складывается и до меня доходит, мои брови непроизвольно едут вверх, а уровень раздражения становится в разы выше, чем это было пятнадцать минут назад при скандале с Марго.

– Пояс из собачьей шерсти и разогревающая мазь. Моему дедуле очень помогает, когда он в огороде... ну... а-а! – визжит Василиса. – А-ха-ха! – Угорая, улепетывает, когда я замахиваюсь и швыряю в ее сторону кухонное полотенце, попадая прямехонько по ее фигуристой, упругой пятой точке. Уносит ноги из моего дома так быстро, что только и слышно ее смех и «чавканье» резиновых шлепок.

Вот же... козявка генеральская!

Глава 6. Один-ноль, Опереныш

Василиса

– И что, вообще без вариантов? Ни единого шанса на амнистию?

– Ага.

– Ну ма-а-ам, поговори с папой, а? Я взрослая, самостоятельная женщина. Меня на новой работе засмеют, если я приду с конвоиром. Ну было и было. Урок я усвоила. Больше так делать не буду. Пусть он отзовет этого цербера. Мне же не пять лет, чтобы везде ходить с нянькой!

Я лежу поперек кровати, свесив голову с края так, что вся кровь уже прилила к лицу, и болтаю ногами в воздухе, как малолетка. Хотя только что доказывала, что я уже взрослая.

– Мать, передай ребенку, что ей будет пять лет всегда, – раздается на заднем фоне довольный отцовский бас.

– Слышала? – переключается на меня мама.

Я замираю. Нога перестает болтаться.

– Пр-р-рекрасно, – рычу в трубку, переворачиваясь обратно, потому что в башке уже шумит. – Спасибо, пап, я тебя тоже люблю! Особенно когда ты не рядом! – Отец на той стороне ржет. Зараза. – Мам, ну серьезно. Как мне теперь от него избавиться? Я страдаю. И не только я, между прочим.

У Демида вон спину прихватило из-за меня. Человек мучается.

– Из-за тебя?

– Ну... Косвенно.

Очень косвенно. Но меня реально теперь совесть грызет. Пусть и совсем чуть-чуть, в самом дальнем уголке, но грызет. Потому что, когда я пришла к нему домой и увидела майора, осторожно такдвигающегося, будто внутри у него битое стекло, мне стало его... ну... Чутьочку жалко. Я же не зверь какой.

Хотя пояс из собачьей шерсти я ему подарила от чистого сердца. И ни капельки не жалею об этом, вспоминая его перекосенное от гнева лицо.

– Ладно, есть у меня один вариант... – начинает загадочно ма.

– Правда? – воодушевляюсь я. – И какой же?

– Выйти замуж, например.

Я аж подсказываю на кровати от возмущения, принимая сидячее положение.

– Мам, ты издеваешься?!

– Почему? Я вполне серьезно.

– То есть, чтобы избавиться от временной няньки, мне надо найти постоянную?

– Ну, примерно так. Хотя ты, конечно, утрируешь.

– Замечательно! – всплескиваю руками, хотя она меня не видит. – Гениальный план, мам. Просто шикарный. Тогда

прямо сейчас и пойду искать! Где у нас тут ближайший склад мужей? В строительном? На полке между шуруповертами и болгарками?

– Вот видишь, ты уже мыслишь в правильном направлении, – хмыкает эта женщина, которая, на минуточку, дала мне жизнь и должна быть на моей стороне.

– Все, мам. Я вешаю трубку. Пойду топиться. От безысходности.

Сбрасываю звонок и падаю на подушку лицом вниз, тихо воя в нее. Глухо. Протяжно. С чувством.

Вот они какие, мои родители. Один генерал, вторая – генеральша по призванию. И оба считают, что приставить ко мне здорового, хмурого мужика – это нормально. Это забота по их мнению, а я тут, значит, должна сидеть и ждать, пока мне разрешат сходить за хлебушком. И ведь все почему? Потому что я один маленький, крохотный разочек «оступилась». С кем не бывает в двадцать с хвостиком лет? Это. Не. Честно!

Я переворачиваюсь на спину и пялюсь в потолок.

– Выйти замуж, – повторяю вслух, и от собственного голоса в пустой комнате становится совсем тоскливо. – Ага. Сейчас. Разбежалась.

Чтобы избавиться от одного надзирателя, и тут же обзавестись пожизненным. С кольцом, штампом и правом голоса. И этот постоянный, по логике вещей, будет следить за мной круглосуточно, а не до тех пор, пока папа не скажет «отбой».

Замкнутый круг какой-то.

Нет уж, спасибо. Я и одного-то еле терплю. А этот хоть через дорогу живет, а не в одной кровати со мной.

Стоп. Почему я подумала про кровать вместе с майором? Фу. Фу-фу-фу.

Сажусь, скидывая ноги с кровати. Который день торчу в четырех стенах, уже даже начинаются галлюцинации и неприличные ассоциации с хмурым мужланом. Этого только мне не хватало. Это от духоты, наверное, и безделья.

Делать в буквальном смысле нечего, кроме как лежать и листать ленту. А еще – ловить на себе тяжелый, контролирующийся взгляд через дорогу каждый раз, когда я высовываю свой нос за ворота. Опереныш как чувствует. Я к воротам – он на крыльце. Я в магазин – он «случайно» за хлебом.

Надоело. Сил уже моих нет.

Смотрю на часы. Показывают почти семь вечера. Сейчас жара уже спадает, самое то для прогулки. Сижу тут как заточенная принцесса в башне, а поселок-то наверняка симпатичный, можно и посмотреть. Местные в магазине трепались про какую-то речку. Тихую, чистую, безлюдную. Спуск через старые дачи, минут пятнадцать пешком. В такую жару – это же мечта.

Подхожу к окну. Осматриваю обстановку. Машины Демида, кстати, не видать. Значит, на работе торчит, страдалец, гоняет местную преступность и выписывает кому-то по пятое число.

А я тут одна. Без присмотра.

Губы сами собой растягиваются в гаденькой улыбочке.

Да это же мой шанс. Я ведь могу просто... выйти. Тихо прогуляюсь и вернусь. Он даже и не заметит. А если заметит, значит, плохо сторожит.

Логика железная.

Стягиваю с вешалки тонкий сарафан цвета топленого молока, который я сто лет не надевала, потому что мама его зовет «занавеской», а сейчас, как по мне, самое то. Считаю этот выбор единственным разумным решением в этом климате. Легкий, в нем не сварисься, и под него отлично идет мой любимый купальник.

Натягиваю одежду, расчесываю кудри, подкручивая пряди пальцем по привычке. Запрыгиваю в шлепки, перекидываю полотенце через плечо. Спускаюсь, тихонько проскальзываю за ворота и вдыхаю свободу полной грудью.

Боже, как же хорошо.

Без конвоира за спиной даже дышится легче! Клянусь, все бы отдала, лишь бы вернуться на пару месяцев назад. Туда, где я могла свободно шлепать по Планете в обнимку со своим фотоаппаратом, не ощущая на себе придавливающего к земле взгляда надзирателя.

Но что имеем, то имеем...

Иду и улыбаюсь сама себе, как дурочка. Поселок, надо признать, ничего. У одних ворот развалился рыжий котяра размером с приличного поросенка. Он приоткрыл один глаз,

прикинул, опасна ли я, решил, что нет, и закрыл обратно. Где-то справа лает собака. За другим забором бабка в платке поливает помидоры из шланга и провожает меня взглядом. Я ловлю это сканирование от щиколоток до макушки и обратно к короткой юбке. Осуждающее. Прицельное.

– Здрасьте, – улыбаюсь я ей во все тридцать два.

Бабка поджимает губы, что-то шепчет себе под нос и отворачивается, продолжая делать свои дела.

Ну и ладно. Видимо, я не вписалась в местный дресс-код.

Спуск к реке нахожу по натопанной тропинке между двух участков. Местные явно ходят тут к воде каждый день. Я сбегая вниз, подскальзываясь на траве, и выхожу на маленький песчаный пятачок. Тихо. Ни одной живой души.

Красота.

Я быстро сбрасываю шлепки, стягиваю через голову сарафан, кидая его на корягу вместе с полотенцем, и захожу в воду.

– Ох, мамочки, – шиплю сквозь стиснутые зубы.

Первый шаг дается с трудом – холодно, жуть. Второй – уже терпимо. На третьем вода доходит до бедер, и я просто падаю в нее с головой. Ныряю до самого дна, трогая пальчиками гладкие камушки, отталкиваюсь и выныриваю на поверхность с фонтаном брызг.

Плаваю, кручусь, плещусь и тут слышу:

– Эй! Русалка! – долетает до меня раздраженный мужской голос. – А ну хватит молотить по воде!

Отфыркиваясь, откидываю мокрые волосы назад и медленно перевожу взгляд на берег. Поначалу никого не вижу. А потом замечаю обладателя знакомого тембра. В густой тени деревьев на раскладном стульчике, с удочкой в руках, сидит...

Нет.

Не может быть!

– Тарханов?! – ору через всю реку.

– Антипова, – цедит он, и даже отсюда слышно, до чего ему «приятно» меня видеть. – Ты вообще как тут оказалась?

– Так же, как и ты – ножками. А ты что тут делаешь? – зачем-то задаю наиглупейший вопрос, хотя и так прекрасно видно, чем майор тут занимается.

– Рыбачил. В прошедшем времени. Пока некоторые не прискакали и не распугали мне своим барахтаньем весь улов.

– Барахтаньем? – возмущенно бью ладонью по воде. – Я, между прочим, грациозно плыла.

– Ты размахивала руками так, что вся рыба в радиусе километра от страха ушла в соседнюю область. – Мужчина мрачно смотрит на свой поплавок, который безмятежно качается на воде. – Два часа сидел. Два часа, Антипова. Ради тишины. А приперлась ты.

– А я-то тут при чем? Река общая.

– Река может и общая, а берег вон – на три километра. Иди плещись где-нибудь там. Подальше.

– Не хочу там. Хочу здесь.

– Конечно, ваше Высочество ж не привыкли уступать.

– Я тут раньше тебя купаться начала, – вру, не моргнув и глазом. – Так что это ты приперся на мое место со своей палкой.

– С удочкой.

– С палкой, на которую ты до сих пор ничего не поймал!

Демид щурится и смотрит на меня. Долго. Пристально. Я прямо вижу, как он считает в уме до десяти. До двадцати. До какого-то очень большого числа.

– Антипова, – наконец говорит почти ласково, и от этого «почти ласково» мне сразу хочется отплыть подальше. – Вылезай. И вали домой.

– А я не наплавалась.

– А мне плевать.

– Так отвернись и не смотри. Кто тебя заставляет?

Вот тут бы мне и заткнуться.

Что я, собственно, и делаю. Потому что в этот самый момент хочу эффектно развернуться к нему спиной, мол, разговор окончен, но... Замираю. Ощущая, что чего-то не хватает. На груди стало как-то уж слишком свободно.

Опускаю глаза. Инстинктивно провожу руками по груди, чтобы проверить, но пальцы хватают пустоту. Мокрая прохлада там, где секунду назад была ткань.

Верха нет. Он уплыл.

Я очень-очень медленно складываю руки на груди крест-накрест и опускаюсь в воду по самую шею. Сердце колотится

так, что, кажется, по реке круги идут.

Спокойно, Вася. Главное – не паниковать. Где-то же он должен быть!

Я резко поворачиваю голову, сканируя воду вокруг себя. Слева – пусто. Справа – лист. Впереди – коряга, а верха нет. Вода, как чернила, ничего не разглядеть. Дерьмовенько.

Чувствую взгляд майора раньше, чем поднимаю свой. Он отложил удочку в траву. Сидит, чуть подавшись вперед, уперев локти в колени. Смотрит на меня с откровенной «подъебкой».

– Что застыла, Высочество? – тянет лениво.

– Ничего я не застыла! – огрызаюсь я.

– Правда? – откидывается обратно на стульчик, вытягивает свои ноги и скрещивает руки на груди. – А чего тогда стоишь? Минуту назад скакала тут, а теперь вросла как вкопанная. И ручки так трогательно сложила на груди.

– Холодно стало.

– Берег вон. Ноги в руки и марш домой, пока не околела. Я молчу. Сверлю его взглядом. Прикидываю варианты.

Вариант первый: сидеть тут, пока он не уйдет. Минус – он не уйдет. Из вредности. Из чистой вредности он просидит до утра.

Вариант второй: выйти. Минус – очевиден.

Вариант третий: найти этот чертов верх. Минус – его нигде нет.

– Отвернись, – говорю я наконец, максимально ровным

ГОЛОСОМ.

– С чего бы?

– Тарханов. Отвернись. По-хорошему прошу.

– А по-плохому что? – он чуть склоняет голову набок. В его глазах пляшут такие черты, что мне хочется уйти под воду с концами. – Утопишь? Так у тебя руки заняты. Хозяйство придерживают, – его взгляд выразительно проезжается по моим скрещенным на груди ладоням. Становится окончательно ясно: этот гад все видел. Все понял. И наслаждается каждой секундой моего позора. – Потеряла что-то?

Я. Его. Сейчас. Убью.

– Ничего я не потеряла!

– Точно? – майор наклоняется чуть в сторону, к траве рядом со своим стульчиком, и неторопливо поднимает удочку, на крючке которой, как трофей, свисает черная мокрая тряпочка. – Это, случаем, не твое? – интересуется с невинной мордой, легонько покачивая удочку, от чего моя несчастная деталь гардероба болтается туда-сюда, медленно вращаясь.

У меня темнеет в глазах. Я не знаю, что сказать. Впервые, за все наши перепалки, меня загнали в угол. И угол этот: мокрый, холодный, и я стою в нем по горло в воде. А он сидит на берегу. Сухой. Довольный. С моим купальником на крючке. И уходить, отворачиваться или отдавать свой трофей просто так – явно не собирается.

– Отдай, – цежу сквозь зубы.

– А волшебное слово?

– Тарханов.

– Это не оно.

– Отдай. Купальник.

Он задумчиво смотрит на тряпочку, болтающуюся на его крючке, потом на меня, затем снова на тряпочку и добивает.

– Знаешь, а ведь могу и не отдать.

– Что?

– Продолжишь выкобениваться – закину обратно. На середину. – Он кивает на самую глубокую и темную часть реки. – И будешь нырять. А я посмотрю, удобно тут устроюсь, спешить мне некуда.

Я медленно прикрываю глаза, чувствуя, как внутри меня все закипает от злости.

Это была последняя капля. Все. Хватит играть по его правилам! Если Демид думает, что я начну его умолять и унижаться, то он сильно ошибается. Ой как ошибается!

Я делаю глубокий вдох и встаю в полный рост, отрывая руки от груди и расправляя плечи. Гордо задираю подбородок и иду прямо к берегу, не прикрываясь, не сутулясь и не пряча глаз.

Да подавись, Опереныш! Смотри сколько влезет.

Он не отворачивается, но его наглая ухмылочка на секунду слетает с лица. Подбородок едва заметно дергается, и мужчина замирает, как по щелчку пальцев. Потому что вместо ожидаемого спектакля «беспомощная принцесса» он получил дерзкую до полного безрассудства девчонку, которая

только что переиграла опытного майора его же оружием.

Выхожу на берег. Подхожу вплотную по теплой траве. Наклоняюсь – близко так, что вижу, как ходит желвак у него на скуле. Как он держит взгляд строго на моих глазах и только на них, потому что увести его сейчас куда-то еще означало бы продуть всухую, и до него это дошло на полсекунды позже, чем стоило бы.

Я снимаю свой купальник с его крючка одним движением и тихо, с самой добывающей улыбкой, на какую способна, роняю ему прямо в лицо:

– Что, товарищ майор, сердечко пошаливает?

Он молчит. Не находит ответа. И это человек, у которого на каждое мое слово было заготовлено по три.

Выпрямляюсь, разворачиваюсь и иду на то место, где оставила свои вещи. Снимаю с ветки сарафан, влезаю в него через голову, сую ноги в шлепки. И иду вверх по тропинке, не оборачиваясь.

Спина прямая. Шаг ровный. Губы сами собой лезут до ушей.

Один – ноль, Опереныш.

Глава 7. Медведь на съемках

Демид

– Сегодня в машину сядешь сама или тебе опять помочь? – затягиваюсь последний раз и кидаю окурочек в урну у своих ворот. Поднимаю взгляд на выскочившую со своего участка Антипову.

Фыркает, глаза закатывает. Закрывает ворота и молча дефилирует к моей уже заведенной тачке, все с той же увесистой черной сумкой с фотоаппаратурой в руках.

Время едва добежало до семи часов утра, а нам уже надо выдвигаться в какие-то ебеня. Потому что работа. Карьера. Съемка. Генеральский приказ и повисшая над моим отделом служебная проверка. Дерьмо.

Девчонка садится на переднее пассажирское. Следом я занимаю водительское кресло, бросая не без доли иронии:

– Рад, что ты научилась оценивать риски.

– Берегу твоё здоровье, здоровяк. Теперь мы оба знаем, что поясница – твоё слабое место, – звучит ехидное, с гаденькой улыбкой на красивых губах. – Хотя к сердечку тоже есть вопросы. Ты бы проверился.

Намека не понял бы только тупой.

– Мое слабое место – необходимость подчиняться чужим

приказам, – отбиваю я «удар» и срываю тачку с места. – Адрес какой? Куда едем?

– Пляж... – называет мне локацию принцесса. – Знаешь, где это?

– В ебенях. Что ты там собралась снимать?

– Мужские трусы.

– Надеюсь, не мои?

– Что вы, товарищ майор, на ваши в горошек не претендую.

Я улыбаюсь. Зараза. Давно в моем окружении не попадалось женщин настолько искренних в своей нелюбви ко мне. И уж тем более настолько острых на язык. В какой-то мазохистской степени это даже очаровательно.

– Там рядом нудисткий пляж, не уверен, что ты увидишь хоть чьи-то трусы.

– Правда?! – охает принцесса.

– Нет. Но надежда в твоих глазах была очаровательно пугающей.

– Ну, мне не привыкать рассекать перед чужими в чем мать родила...

Я хмыкаю и включаю радио. Делаю звук погромче. Из колонок начинает играть что-то свежее, бодрое, идеальное для дальней дороги. А путь нам предстоит действительно не близкий. Около ста километров, половина из которых вдоль побережья и населенных пунктов, просыпающихся и готовящихся обслуживать тысячи понаехавших туристов.

Едем молча, каждый закопавшись в своей голове.

На очередном светофоре я украдкой пробегаю взглядом по сегодняшнему наряду генеральской дочурки. Легкие бежевые шорты – скромной длины – удобные летние кроссовки, топ и лифчик. Слава богу, он на месте и увидеть неглиже мне сегодня не грозит. А то после недавних событий еще одна моя часть тела оказалась местом слабым, помимо поясицы. И нет, это не сердца. После гордого марша Высочества с голыми сиськами из речки, эту часть так прихватило, что до сих пор не отпускает. Упругая, аккуратная двочка с напряженными от холода розовыми сосками донимает меня во снах. Вызывая в моем взрослом, опытном теле отнюдь не невинные мысли. Разгоняет фантазию и стирает границы в голове.

Мне это не нравится. Меня это бесит и пугает одновременно. А пугает меня в этой жизни очень ограниченный круг вещей. Можно было бы, конечно, списать такую мою «впечатлительность» на элементарный недотрах после расставания с Марго. Но хрен там плавал! Буквально вчера эта теория рассыпалась, как замок из песка в ураган. Я неплохо развлекся с классной девчонкой, разрядив всю обойму. Однако это не помешало проснуться мне утром в поту, со стояком и возбужденным. А еще огорченным и раздосадованным. Меня словно в пубертат отшвырнуло. Звиздец, одним словом.

До нужного Высочеству пляжа мы добираемся за час с небольшим. Утро, трафик на дорогах свободный, да и сама

дорога относительно полая, без известных сочинских серпантин. Последний километр, правда, приходится катиться по бездорожью и слушать «ахи-вздохи» Антиповой, то и дело бьющейся макушкой о стекло или потолок машины. Но я не жалуясь. Эти звуки мне даже приятны от понимания, что в наших совместных поездках страдаю не только я один.

Припарковав тачку в тени деревьев, вижу чуть поодаль толпящихся людей. С десяток загорающих на полотенцах – потому что пляж дикий и никакой аренды шезлонгов здесь нет – и куча непонятных личностей с шатром и аппаратурой.

– Твои гаврики? – киваю в сторону толпы, ставя тачку на сигналку.

– Мои. У меня сегодня первая серьезная съемка для бренда, ради работы с которым я и прилетела в Сочи, – впервые за все время знакомства с Василисой ее тон без ядовитых ноток, а голос чуть подрагивает от волнения. Видно, что ей это важно. И это мило.

Пока мы идем к месту скопления людей, я присматриваюсь. Кто-то бежит по галечному пляжу и что-то прикручивает, докручивает. Девчата и парни в черных футболках с надписью «сервис» на спине устанавливают свет, вентиляторы, камеры, стулья, столы, мониторы, ноутбуки и еще хрен знает какие приблуды. В центре всего этого хаоса верховодит женщина – примерно моих лет, с идеально отглаженными стрелками на кофейного цвета брюках и в таком же пиджаке. Наряд дамочки, к слову, совсем не по погоде. На гра-

дуснике уже жгучий тридцатник, а в обед станет еще жарче.

Наконец перевожу взгляд на шатер, с любопытством вглядываясь в происходящее там. И только тут до меня доходит, что имела в виду Антипова, когда ляпнула про «трусы». В шатре трутся сплошь мужики в нижнем белье, с рельефными прессаками и напомаженными мордами, над телами которых продолжают порхать девчонки с палетками и кисточками. Стилисты, очевидно?

– Это чо, мужская съемка? – охреневаю я, почти теряя дар речи.

– Ага, – с гордостью задирает нос пигалица Антипова, расплываясь в улыбке. – Новая линейка летней спортивной одежды. Купальные плавки, шорты, майки и все тому подобное.

– То есть твоя работа – скакать по пляжу с камерой и снимать голых, потных, улитых бронзатором мужиков?

– Ну, если сильно утрировано, то да. Разумеется, в те дни, когда я сама потная не скачу по местным горам.

– Твой отец в курсе вообще?

– Чего именно: гор или мужиков?

– Всего, блять! – рявкаю я, тут же стиснув зубы.

От неожиданной перемены в моем настроении Василиса бросает взгляд через плечо и посмеивается:

– А ты чего так разнервничался-то? Осторожнее, дедуль, а то кардиостимулятор не выдержит и случится первая в истории современной фотосъемки смерть на площадке, – похло-

пывает ладонью меня по груди Антипова с той стороны, где бьется бешено колотящееся сердце. – Не умирай. Не порти мне первый рабочий день! – подмигивает и уходит, быстро сливаясь с толпой.

А мне так невыносимо хочется ее догнать и снова на нее рывкнуть. Веско. Нравоучительно. Раздраженно. Может даже пару раз дать по жопе и запретить.

Запретить что, Тарханов?

Делать свою работу?

Кто я такой, чтобы лезть в это дело?

Правильно, никто. Поэтому я проглатываю свои слова и прикусываю гребаный язык.

Еще раз осматриваю периметр, слишком пристальное внимание обращая на моделей. Высокие, подтянутые, спортивные, и тридцатника нет. Зеленые совсем. Антиповой такой и нужен. Рядом с идеальной генеральской дочуркой такой напомаженный выпендрожник смотрелся бы гармонично. И от этого раздражение внутри начинает зудеть еще сильнее. Прямо-таки распирает!

Я растираю ладонью грудь.

Действительно, что-то ты чересчур разнервничался, Тарханов. Заканчивай.

Следующие два часа я умираю от скуки и не спускаю глаз с вверенного мне объекта наблюдения – с Василисы. Она скачет со своим огромным фотоаппаратом по гальке и через объектив таращится на выпирающие в трусах мужские до-

стоинства.

Я никогда не страдал от нехватки женского внимания. И тем более не считал себя уродом. Тело держу в форме. До сих пор регулярно хожу в зал. Да и рабочие тренировки, стрельбы и сдачу нормативов никто не отменял. Поэтому пресловутые кубики есть и на моем прессе. Но это... эти... что сейчас выгибаются и позируют на фоне Черного моря – заставляют молча сгорать от бешенства.

Мужик не должен выглядеть так. Но именно такие «пластмассовые» образы навязывают наши чертовы журналы, каналы и реклама. А потом такие наивные маленькие дурочки, как Антипова, влюбляются именно в таких ненастоящих мужиков. И впоследствии страшно разочаровываются, понимая, что их суженные тратят на укладку и маникюр больше бабок, чем они сами, и думают, что «отвертка» – это название коктейля с водкой, а не инструмента.

Короче, к тому моменту, как мой телефон начинает трезвонить, я уже на взводе. Поэтому в трубу рычу максимально неприветливо:

– Тарханов.

– Тебе там чо, опять достоинство женским каблучком прищемили, майор? – ржет Женька, аж похрюкивая мне в ухо.

– Оборжешься, – отхожу я на десяток метров от места съемки, в тень, и приваливаюсь плечом к дереву. – Чего тебе, Бурков? Я занят, – достаю сигарету, пихая в зубы.

– Чем, интересно?

– На голых мужиков смотрю. Желаете присоединиться?

– Меня начинают пугать твои нездоровые наклонности,

Тарханов.

– Это хорошо. Тот, кто боится, работает лучше. А вы с Самсоновым в шаге от увольнения. Так что, если не снимете с нас висяк по угону, следующие на голых мужиков смотреть будете уже вы.

– Как раз по этому поводу набираю. Один из моих информаторов дал наводку на подпольный автосервис. Клянется и божится, что на прошлой неделе видел похожую тачку в их гараже.

– Воруют, разбирают и продают по частям? Умно. Так шансов, что запчасти засветятся, гораздо меньше. Ладно, давай раскрутим эту версию и посмотрим, куда она нас приведет. Гараж проверьте и отзвонитесь, – отдаю команду и отбиваю вызов.

Щелкаю зажигалкой, поднося ее к зажатой в зубах сигарете, и тут мой взгляд чисто случайно выхватывает из небольшого количества отдыхающих на пляже молодого парня лет восемнадцати. За много лет в розыске я натренировал свою чуйку. И сейчас она подсказывает мне, что это не просто отдыхающий, любящий уединенный отдых.

Я притормаживаю, вытаскивая сигарету изо рта. Парнишка меня не видит за высокими кустами. Зато я повнимательней приглядываюсь к нему. Наружность сомнительная. Во-

лосы растрепаны. Постоянно оглядывается и пальцы – на забитых татуировками руках – заламывает. Персонаж явно нервничает. Украдкой чешет к шатру съемочной команды, стараясь лишний раз не шуметь галькой под ногами. А шатер сейчас совершенно пуст. Потому что все тараканы перебежали полюбоваться на очередного позера в модных боксерах.

Воришка?

Очень на то похоже.

Э, нет, не в мою смену, дружок.

Я отталкиваюсь плечом от дерева и иду за потенциальным преступником. Тихо, чтобы меня не засекали раньше времени, выруливаю из-за черных ящиков из-под оборудования.

Бинго.

Этот бесстрашный ушлепок ныряет рукой в женскую сумочку и вытаскивает черный кожаный кошелек. Открывает. Проверяет наличность. И прячет его под футболку. А затем, тарась на линию берега, туда, где во всю кипит работа, парень пятится назад.

Шаг.

Еще шаг.

Еще два, и его спина упирается в мою грудь, и он испуганно подскакивает на месте. Вскрикнув, воришка оборачивается и испуганно округляет на меня глаза, уже понимая, что ему капец.

– Тебя мама не учила, что брать чужое без разрешения

нельзя? – басю я.

– Вы... вы не так все поняли! – начинает суетливо тараторить он. – Я просто... да решил... – сглатывает и, убивая мою надежду сделать все по-тихому и без привлечения внимания, улепetyвает прямо в толпу.

– Стоять! – ору я.

Ага, щас. Ты хоть раз в своей жизни видел, Тарханов, чтобы это «стоять» реально кого-то остановило?

Проглатывая недовольство от того, что придется побегать в джинсах, по камням, в тридцатиградусную жару, бросаюсь за преступником следом. Угрожаю:

– Тормози, а то если сам догоню, хуже будет!

– Помогите! Убивают! – орет этот идиот, активно работая локтями. Раздвигает столпившихся у съемки зевак. Несется, спотыкается, оглядывается на меня.

Я за ним.

Нечаянно сшибая на своем пути пару девчонок, тут же ловко подхватываю их за талии и удерживаю на месте. Перепрыгиваю через раскинутые на камнях провода. Запинаюсь об один, вырывая с корнем к херам. Где-то что-то шипит и коротит. Вентиляторы вырубаются. Вокруг начинается переполох. Шум, визги, крики.

– Вы что делаете?!

– Что здесь происходит?!

– Верните электричество!

Я сношу на своем пути стулья, врезаюсь в стол. В мою

сторону летит ноутбук, запущенный малолетним ушлепком с чужим кошельком. Уворачиваюсь. Пацан резко виляет влево. Сворачивает прямо к тому месту, где стоят парочка парней с огромными серебристыми штуками и Василиса со своим объектом съемки.

Мое сердце прихватывает, когда воришка со всей дури врезается в спину Васи. Та, взвизгнув, летит лицом в море. Я в последнее мгновение цепляю Антипову за шорты и резко дергаю назад. Она, ойкнув, падает задницей на камни. А я в этот же момент ловлю неудачливого преступника, выкручивая его руку за голову.

– Попался.

– Все! Все, сдаюсь, дядь!

Дергаю мелкого на себя, но, неловко покачнувшись, запинаясь о булыжник. Спотыкаюсь и в попытке удержаться на ногах толкаю пацана на один из огромных отражателей, сваливая в воду его и держащего прибор парня. Оба ныряют с головой, а затем выныривают и отплеваются.

На пляже виснет гробовая тишина. Даже птицы в это мгновение перестают петь. Я оглядываю учиненный нами погром и заковыристо выругиваюсь. Оценив масштаб всего пиздеца, слышу, как тишину на побережье разрезает истеричный вопль директрисы сего балагана:

– Кто, мать твою, пустил этого медведя на место проведения съемки?!

Ну все, это очередной залет, Тарханов.

Глава 8. Так держать, бандитка!

Василиса

Дверь отделения с таким грохотом отлетает в стену, что дежурный за стеклом подскакивает на стуле. Мне плевать. Я вылетаю на крыльцо, как пробка из бутылки, и втягиваю носом раскаленный вечерний воздух так, словно последние два часа меня держали под водой.

Следом неторопливо выходит моя самая главная «проблема».

– Надо было тебя вместе с этим ушлепком в клетке запелить! – разворачиваюсь я так резко, что собственные волосы больно хлещут меня по лицу. – На соседних нарах! Чтоб вы там друг другу песни пели!

– Тише, принцесса.

– Не тише! Ты вообще понимаешь, что ты натворил?!

– Я задержал вора. – Демид невозмутимо лезет в карман за сигаретами. Достает одну и сует в зубы, подкуривая. – Между прочим, на этом «красавце» три кражи в районе висело. Так что мне, по-хорошему, спасибо сказать должны.

– Спасибо?! – у меня аж в горле перехватывает от негодования. – А ничего, что до этого ты выдрал провода, утопил отражатель – он, к слову, стоит как твоя пенсия за полгода!

Спихнул в море осветителя и снес стол с техникой. А еще ты разбил линзу! Мою линзу, Тарханов, я на нее полтора года копила!

– Куплю тебе новую.

– На что? На зарплату опера? – уже начинает нести, и я не могу остановиться, потому что меня прямо-таки всю потряхивает от ярости. – Да меня чуть не уволили! В первый же рабочий день! Ты хоть представляешь, что мне пришлось выслушать из-за тебя?

– Откуда мне знать.

– А вот послушай! – тычу я ему пальцем в каменную грудь. – «Василиса Андреевна, – передразниваю я ту крашеную гримзу в пиджаке, кривляясь и складывая губы трубочкой, – в связи с произошедшим инцидентом компания настоятельно просит впредь не приводить на площадку постороннее сопровождение. В противном случае вопрос о прохождении вами испытательного срока будет пересмотрен». Пе-ре-смот-рен! Знаешь, что это значит, гений сыска? Это значит, что меня из-за тебя с работы вышвырнут, ради которой я через полстраны летела!

– Не вышвырнут.

– Откуда ты знаешь?!

– Оттуда. Если бы хотели вышвырнуть – уже бы вышвырнули, а это так, для острастки. Чтобы ты понервничала, – майор окидывает меня ленивым взглядом. – Получилось, смотрю.

Я хочу его ударить. Физически. Чем-нибудь тяжелым и желательно металлическим. Как жаль, что под рукой ничего нет, а то бы я ему задала.

– Ты... – у меня от возмущения не хватает слов. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю. В голове проносится примерно восемь вариантов продолжения ответа, и ни один из них не совместим с моим воспитанием. – Ты просто невыносимый, самоуверенный, твердолобый...

Сбоку раздается приглушенный смешок. Перевожу бешеный взгляд и вижу двух молодых патрульных в форме, которые курят неподалеку и с нескрываемым интересом греют уши. И с каждой моей репликой их лица становятся все довольнее. Один уже даже не стесняясь начинает лыбиться на открытую, второй толкает его локтем – мол, тише, спугнешь.

– Чего уставились? – рявкаю я. – Расходитесь. Кино закончилось!

– Да мы болеем, – ухмыляется один. – За вас, кстати. Нашему майору тут лет пять никто ничего подобного не высказывал...

– Сергеев, – рявкает Демид.

И Сергеева как ветром сдуло, только окурок остался дымиться на асфальте. Второй испаряется за ним следом, успев показать мне «класс».

Группа поддержки, блин.

– Закончила?

– Нет!

– Тогда в машине продолжишь. Хватит меня на все отделение позорить.

Тарханов разворачивается и неспешным шагом направляется к своему внедорожнику. Я же стою и смотрю в эту широченную спину, мечтая прожечь в ней дыру лазером из глаз.

Ничего не помогает.

Ярость пульсирует в висках.

Разворачиваюсь на пятках и иду к машине. Дверцу открываю так, что она, бедная, жалобно скрипит, и, впечатавшись пятой точкой в сиденье, захлопываю машину с оглушительным грохотом.

Тарханов даже не вздрагивает. Садится за руль, заводит мотор и резко трогается с места.

Я демонстративно отворачиваюсь к окну, скрестив руки на груди. Невидящим взглядом смотрю на мелькающие деревья и витрины, а внутри все кипит и булькает.

Этот невыносимый тип тоже молчит, но я боковым зрением улавливаю, как он крепко сжимает руль до побелевших костяшек, и как дергается желвак на скуле в рваном ритме. Бесится, бедненький. Да и пусть – сам виноват, все разнес, еще и меня подвел!

Внутренний голос, правда, что-то так настойчиво и противно скребется где-то под ребрами, напоминая мне про одну очень маленькую, но такую важную деталь. Материал я отснять успела, большую часть – так точно. И свет там лежал

идеально, и парни в кадре отработали как надо, пока этот медведь не решил поиграть в супергероя. К тому же папка на флешке забита крутыми исходниками.

Но признать вслух, что слишком сильно вспыхнула?

Сказать: «Да ладно, проехали, фотки есть»?

Да ни в жизнь! Пусть для начала извинится передо мной. Но майор же не станет этого делать. Майоры – птицы гордые. Поэтому сидим, молчим и усердно ненавидим друг друга.

Минут двадцать мы едем в ледяном молчании. На заправке мой надзиратель притормаживает, молча выходит и возвращается через пять минут с двумя стаканчиками кофе. Один ставит в подстаканник с моей стороны.

Я не притрагиваюсь. Смотрю вперед на дорогу.

– Ладно, – басит спустя минут пять Демид, не отрывая взгляда от дороги.

Молчу. Из принципа.

– Признаю.

Пауза. Длинная. Он специально ее тянет, я знаю.

– Что признаешь? – не выдерживаю первой. Черт.

– Ноутбук летел красиво. Метра четыре. По дуге. Жаль, ты не засняла.

– Тар-рханов...

– И вообще, я все понял. В следующий раз, когда при мне будут чистить чужие сумки, я подойду к вору, представлюсь и вежливо попрошу подождать окончания съемки. Талончик выдам. «Ваше ограбление очень важно для нас. Оставайтесь

на пляже».

И вот тут я фыркаю. Против воли. Воздух выходит носом с таким позорным звуком, что злиться дальше уже физически невозможно. Я честно пытаюсь удержать суровое лицо, но уголки губ ползут вверх. Предатели.

– Дурак ты.

Демид косит на меня свой темный взгляд. Уголок его губ едва заметно дергается вверх.

Ладно. Вынужденное перемирие. Так уж и быть.

Я выдыхаю, откидывая голову на подголовник, прикрывая глаза. Открываю я их только тогда, когда машина плавно тормозит напротив моего дома.

Я отстегиваю ремень, собираясь сказать что-то нейтрально-едкое на прощание, как вдруг с соседней улицы доносится звонкий, надрывный крик. И следом – отборная детская ругань.

– Получай, козел!

Я замираю с открытым ртом.

– Яська, – выдыхает Демид.

Мы, не сговариваясь, одновременно срываемся с места и бежим на звук.

За углом нас встречает картина маслом, батальное полотно. Посреди улицы Яся наступает на мальчишку своего калибра, и пацан отступает. Пятится, закрываясь локтями, шмыгая уже расквашенным носом. Косичка у Яси растрепана, коленки в пыли, костяшки сбиты, глаза горят. Остальная

братва жметя у забора и в процесс не лезет – видимо, уже попробовали. А под кустом сидит и тоненько скулит щенок. Маленький, лопоухий, тощий, весь в репьях.

– Еще раз! Подойдешь! К нему! – каждое слово Яся вбивает, как гвоздь. – Я тебе! Вторую ноздрю! Порву!

– Да ты дура-а-а! – подвыывает пацан.

– ЯСЯ! – рывкает Демид так, что вздрагиваю даже я.

Дальше – как в замедленной съемке. Демид в два шага оказывается в эпицентре, поднимает племянницу за шкирку, как котенка. Она брыкается и продолжает молотить воздух кулаками, явно намереваясь дотянуться до противника даже в полете.

– Пусти! Я не закончила!

– Закончила. Отбой.

– Дядь Ди, он...

– Отбой, я сказал!

И тут прорывает свидетелей. Всех разом.

– Она первая полезла!

– А чего вы щенка мучили!

– Никто его не мучил, мы играли!

– Ага, играли! Камнями кидались!

– Ты вообще молчи, предатель!

– Сам предатель!

Из этого хора показания складываются примерно такие: пацаны нашли под забором щенка и начали с ним «играть». Щенок скулил. Яся проходила мимо, велела прекратить. Ей

посоветовали идти куда подальше. Она и пошла. И вот когда она уже уходила, Колька – тот самый, с обновленным носом – вякнул ей что-то вслед.

Что именно – свидетели цитировать отказываются наотрез, потому что рядом стоит двухметровый мужик с такой физиономией, которая сейчас пугает даже меня. Но судя по тому, что Колькин нос увеличился вдвое, – вякнул он зря.

– Так, – Демид ставит Ясю на землю, но воротник из пальцев не выпускает. Обводит тяжелым взглядом побитый состав. – Слушайте сюда. Один раз говорю. Кто еще хоть пальцем тронет животное – будет иметь дело со мной. Лично. Родителей ваших я найду за полчаса, и поверьте, этот разговор им не понравится. Вопросы?

Вопросов нет. Мелкотня испаряется с улицы со скоростью, которой позавидовал бы даже олимпийский чемпион по бегу. Колька, придерживая нос, ретируется последним – бросив на Ясю взгляд побежденного, но не сломленного.

Конвой выглядит так: впереди – Демид, посередине – Яся, замыкающей – я.

– ...я тебе сколько раз говорил? – бубнит Демид, не оборачиваясь. – Сначала – слова. Кулаки – крайняя мера. Крайняя, Яся! У тебя голова на плечах есть? Есть. Язык подвешен? Еще как. Вот и пользуйся! А если бы он был старше? Сильнее? Если бы их пятеро на тебя кинулось, что тогда?

Яся молчит.

Плетется, насупившись, загрывая сандалиями пыль. Под-

бородок задран, губы сжаты в тонкую нитку, сопит, как маленький паровоз, а в глазах – ни грамма раскаяния, зато обиды на три ведра. И я вижу, как она моргает. Часто. Слишком часто для человека, которому все равно.

Она не от боли сейчас реветь готова, костяшки – это ерунда, до свадьбы заживут, а от несправедливости. Потому что в Ясеной девятилетней головушке все предельно просто: щенка обижали, а она защитила, значит, права, но ее за это ругают. Громко, долго и при свидетелях.

– ...и вообще, драка – это последнее дело, – не унимается впереди голос совести и правопорядка. – Слышишь меня? Молчишь? Правильно, молчи. Дома еще поговорим.

Я смотрю на эту насупленную бандитку и понимаю одну простую вещь – в девять лет я сделала бы ровно то же самое. Да чего уж там. В двадцать три – тоже. Разве что была бы сильнее, чтобы больше неповадно было беззащитных обижать.

Демид сворачивает в сторону дома, продолжая бубнить нравоучительную тираду куда-то в пространство перед собой – ему, по-моему, уже и слушатель не нужен, вышел на автопилот. И вот тут я ускоряю шаг и равняюсь с мелкой.

Яся косится на меня исподлобья. Настороженно. Готовится, что сейчас начнется вторая серия, те же грабли.

А я наклоняюсь к ней и одними губами, почти беззвучно: – Ты все правильно сделала.

Карие глазищи распахиваются на пол-лица. Она моргает

— мол, я не ослышалась?

Я подмигиваю девчонке и опускаю ладонь низко-низко, к самому бедру, чтобы спереди не было видно.

— Дай пять! Так держать, бандитка!

Яся замирает на секунду, шмыгая носом, а потом, видимо, до нее наконец-то доходит, что я полностью с ней солидарна, и ее лицо тут же разъезжается в лучезарной озорной улыбке.

Она размахивается и звонко хлопает своей чумазой ладошкой по моей.

ШЛЕП.

Звук разносится по тихой вечерней улице отчетливо и предательски громко.

Демид оборачивается. Мы с Ясей синхронно делаем максимально честные и невинные лица.

— Что это было?

— Комар, — говорим мы хором.

— Здоровый, — уточняю я.

— С голубя, — подтверждает Яся.

Демид щурится, переводит взгляд с меня на племянницу и обратно. Видно, как в его голове со скрипом крутятся шестеренки и улики упрямо сходятся в одну версию, но доказательств нет, а без доказательств дела не заводят.

— Спелись, — ворчит мужчина, отворачиваясь.

— Не понимаю, о чем вы, товарищ майор.

Яся рядом давит смешок в кулак. Остаток пути до ворот мы идем, переглядываясь с ней. Мелкая то и дело косится на

меня снизу вверх и улыбается заговорщицки, благодарно, во весь свой щербатый рот.

У самых ворот Яся вдруг дергает меня за рукав.

– Вась... а Вась, – шепчет трагическим шепотом. – А щенок-то... Мы же его там оставили.

Мы обе медленно поворачиваем головы в сторону соседней улицы.

– Даже не думайте, – не оборачиваясь, говорит Демид и толкает калитку. – Обе.

Мы с Ясей переглядываемся.

Еще как думаем, товарищ майор. Обе.

Глава 9. Как же, зараза, хороша!

Демид

Костяшкой указательного пальца два раза стучу в дверь Ясиной комнаты. Не дожидаясь ее ответа, открываю. Гроза местных пацанов валяется на кровати, задрав ноги на стену, и увлеченно во что-то режется на телефоне. От усердия даже кончик языка высунула и периодически тихо ругается, очевидно, на своих «тупых» оппонентов.

Я все еще в ахере после ее дневной выходки. И все еще не понимаю, как должен себя вести, с позиции «умного» и «взрослого». Но одно ясно точно – наказания мелкая не избежит. Закон суров, но он закон. А нарушение идиллии в этой семье карается запретом на прогулки и мытьем посуды после ужина. О последнем пункте, к слову, я и пришел арестантке сообщить.

– Мелкая, заканчивай, тебя ждет целая раковина грязной посуды.

– Щас! – в запале, не отвлекаясь от игрушки, бросает ребенок. – Двух последних гоблинов урою и закину в посудомойку, дядь! Давай! – шустро тычет пальцами по кнопкам. – Ну же, бахни по нему фаером!

Я вздыхаю.

Посудомойка? У меня для тебя, драчунья, плохие новости.

Прохожу в детскую и аккуратно выхватываю из цепких пальчиков гаджет, блокируя экран.

– Эй! – верещит Яся, подлетая на кровати. – Ну ты чо! – тарашит на меня глаза. – Я же сказала «щас»! Еще б минутка, и я бы их...

– Не «щас», а «прямо сейчас» и не в посудомойку, а ручками. Моющее и губка на раковине. На кухню шагом марш.

– Да почему?!

– Что почему?

– Ручками, когда у нас есть посудомоечная машина!

– Преемственность поколений. Нас с твоей матерью твоя бабуля так всегда наказывала. Теперь твоя очередь хлебнуть нелегкой доли детей, выросших в СССР.

– Да почему?! – снова в недоумении верещит Ясемина. – Я и так проторчала весь вечер дома, хотя Мишка с Петькой звали меня гонять в футбол. А теперь это?! Так нечестно! Деми-и-ид!

О, Демид. Так меня племяшка зовет в исключительных случаях. Чаще всего, когда страшно, прям-таки дико злится. В остальное время я у нее «дядь». И никак иначе. И, судя по очаровательно-психованному выражению лица девчонки, разговаривать с ней дальше тоже смысла нет. Поэтому я прячу телефон в задний карман джинс и молча разворачиваюсь, направляясь на выход из комнаты.

Яся кричит мне вслед:

– Не буду мыть!

– Тогда не получишь телефон обратно.

– Я маме позвоню и пожалуюсь!

– С чего? С ладошки?

– Ты, дядя, самый настоящий арбузер!

На этом моменте я резко торможу на пороге. Крутанувшись на пятках, оборачиваюсь и вопросительно заламываю брови, глядя на племяншку. Она, насупившись, сидит на кровати, сложив руки на груди. Смотрит на меня маленьким, диким волчонком, в очередной раз напоминая мне – почему в мои тридцать восемь лет у меня до сих пор нет детей. Подсказка: потому что дети – это сложно. Дети – это в девяноста процентах случаев существа, не поддающиеся никакому контролю. И чтобы воспитать хотя бы одного ребенка – нужны титановые нервы и стальное терпение. А у меня и то, и другое хромает.

– Что ты сказала?

– Ничего, – бурчит.

– Это что еще за «арбузер»? – дожимаю я. – Новое ругательство на вашем диком молодежном сленге? У пацанов на районе нахваталась?

– Нет.

– Тогда откуда взяла?

– У Васи, – нехотя бубнит мелочь, потупив взгляд. – Слышала, как она сказала, что ты – самый настоящий арбузер.

Запомнила.

– Абыюзер, что ли? – уточняю.

– Да. Оно, – дует губы девчонка. Смотрит на меня из-под ресниц, густых, как у моей сестры. И в момент с режима «атаки» на режим «жалости» переключается. Всем своим видом пытается на мое слабое место надавить – мягкотелость по отношению к близким. Особенно женского пола. Любана – мать Яси – тоже в детстве так делала. И до сих пор проворачивает подобный финт время от времени. А я, как идиот, из раза в раз ведусь.

Но не в этой ситуации.

Драка – это вам не ранетки с соседнего участка дергать. Сегодня – пинок под зад, завтра – хук по почкам, послезавтра – нож в сердце и вперед по этапу. Утрирую, конечно, но каких только персонажей за два десятка лет в розыске я не видел. Драка – не шутки.

– Ты – идешь и моешь посуду, я – возвращаю твой телефон и отпускаю тебя завтра на два часа погулять. Выгодней предложения не будет, советую не выделяться и соглашаться, – говорю, поставив точку в нашем споре, и выхожу из комнаты.

Спускаюсь на первый этаж и слышу громкий, явно выражающий недовольство, топот босых ног. Тяну уголок губ в победной улыбке. А, кажется, я не такая уж и плохая нянька.

Оглядываюсь и прослеживаю взглядом за гордо чешущей на кухню бандиткой. Надеюсь, посуда переживет эту мойку.

– Я на веранде. Будут вопросы – зови.

– И какие тут могут быть вопросы... – огрызается себе под нос Яся.

Я благополучно спускаю ее этот выпад на тормозах и хватаю бутылку пива из холодильника. Ныряю в кроссовки и выхожу из дома. На свежий воздух. Мне срочно надо заземлиться и выдохнуть этот чертовски сложный день!

Опускаю свою задницу на верхнюю ступеньку крыльца и свинчиваю крышку со стеклянного горлышка. С наслаждением прикладываюсь к холодному пенному. Делаю пару глотков. Так-то лучше. Уже и день не кажется таким дерьмовым, и женщины в моем окружении такими сложными. Я даже почти ловлю дзен, глядя на сочные, малиновые всплохи заката над крышей дома Антиповой.

Кстати, о ней.

Бросаю взгляд на окна Высочества. На улице уже смеркается, и на первом этаже отчетливо видно свет в одной из комнат и тонкий женский силуэт в длинном, струящемся халате. В деталях, конечно, разглядеть картинку не получается, но интуитивно понимаю – это кухня.

Принцесса в своем замке готовит себе поздний ужин?

Снова прикладываюсь губами к бутылке. А глаза цепко следят за Василисой батьковной. Она ходит перед окнами, пританцовывая. Вся такая плавная, нежная, изящная и грациозная. Настоящий силуэт мечты. Не знай я ее характера, может даже и влюбился бы.

Шутка. Выдыхайте. Я не влюбляюсь. Я вообще в это дерьмо не верю. И не потому, что за моими плечами какой-то душеспиральный бэкграунд с разбитым женщиной сердцем, а потому что такие циники и эгоисты, как я, не умеют любить априори.

Вася. Надо же было дать девчонке такое пацанское имя. У генерала Антипова и его жены, должно быть, сильно плохо с фантазией?

А вот у девчонки хорошо. Абыюзер я, значит? Мне кажется, еще надо разобраться, кто в нашем тандеме настоящее зло.

Мысли скачут как пьяные кузнечики: хаотично и на дисбалансе. И тут вспоминаю, что девчонка на днях пробросила в разговоре что-то про свой блог. Меня тут же распирает от любопытства. Я достаю свой телефон и пытаюсь понять, как можно найти страницу Антиповой в социальных сетях без привлечения «третьих лиц». Решаю начать с самого простого – проверить по привязке к номеру. И бинго! Первая же ссылка и прямо в точку. Обычно я не занимаюсь такой херней. Но Высочество – во всем особый случай.

Первым делом открываю фотографию ее профиля. Девушка стоит вполоборота к объективу камеры, на фоне алого заката над морем. Улыбается, загадочно глядя вдаль. В легком белом платье, полы которого трепещут на ветру, и с длинными распущенными волосами, волнами ниспадающими по спине и плечам. На этой фотографии локоны Васили-

сы отливают фиолетовым, и это смотрится так дерзко, что я залипаю. Машинально потягивая пиво, сканирую глазами и запоминаю каждый плавный изгиб стройного тела. Загорелые ножки, острые лопатки. Замечаю маленькую татуировку на щиколотке, частично спрятанную под тонкой золотой цепочкой. Ее бунтарский дух чувствуется в каждой детали. Это мне нравится. Это заводит.

Проклятье, как же, зараза, хороша!

Я снова бросаю мимолетный взгляд на окна дома напротив. Свет на первом этаже погас. В отчего-то эта темнота начинает манить с невероятной силой. Остужаю свой пыл глотком пива.

Сворачиваю фотографию Антиповой и ленту ее публикаций. Видимо, не врала. Съёмка природы у генеральской дочурки – для души. Она – душа эта – чувствуется в каждом посте. А их у ее почти стотысячного блога много. И девяносто процентов: про горы, реки, скалы, моря, озера, пляжи и прочие чудеса природы.

Скролю ленту, вглядываясь в каждый снимок.

Интересно, сколько стран и городов эта отчаянная охотница за кадром успела посетить? Полсотни? Сотню? И как-то неожиданно приходит понимание того, что папина принцесса в реальности уже давно девочка самостоятельная и надзиратель ей точно не требуется. Поэтому-то она моей компании так и бесится. Положа руку на сердце – теперь я ее понимаю. Уж если она умудрилась не свернуть себе шею

при восхождении на Эльбрус (а она реально туда поднималась, судя по десятку кадров годовой давности, чокнутая), то уж Сочи – самое безопасное место ее дислокации. Странно, что генерал Антипов этого не понимает. Или не хочет понимать? Птенец вылетел из семейного гнездышка. Бате пора смириться и перестать закидывать на ее шею хомут отеческой любви.

Или у этой гиперопеки есть другие причины?

Последняя публикация недельной давности. Это была наша многострадальная погоня за рассветом в горах. Я открываю первую фотографию в «карусели». От красок и цветопередачи захватывает дух. Приходится признать, Антипова действительно хороший фотограф. Ей бы делать снимки для National Geographic, а не щелкать голые мужские торсы в отстойных плавках.

Листаю дальше и на последнем кадре зависаю, давась последним глотком пива. Едва не пускаю пенное носом.

Какого лешего?!

На этой фотографии я. Стою на краю скалы, сложив руки на груди. Смотрю на первые всполохи нового дня, весь такой, звездеч, загадочный и мрачный. Отвратительная фотография! Роба заспанная, футболка помятая, морда небритая. Я тут просто дикарь. Но именно на этом снимке больше всего пресловутых лайков и именно под ней больше трех сотен комментариев, содержание большинства которых сводится к: «Кто этот красавчик? Можешь дать номерок?» и

«Это твой новый парень? Брутал! Одобряем».

Я закипаю от злости. Эта ненормальная совсем страх потеряла? Авторское право для нее пустой звук? Потому что я совершенно точно не давал ей позволения светить моей рожей на весь интернет! Подступает мерзотное ощущение, что ты оказался товаром на витрине, где каждый второй может тебя «пощупать».

Нет, так дело не пойдет.

Пусть сейчас же удаляет к чертям собачьим!

Я оставляю пустую бутылку на ступеньке и поднимаюсь. Блокирую экран идвигаю в сторону замка Высочества, планируя устроить ей полнейший разнос. И только сейчас замечаю, что на участке напротив что-то не так. Дерьмовое предчувствие появляется раньше, чем я успеваю сообразить, что именно.

В кухонном окне, где недавно горел свет, полыхает огонь. Яркие оранжевые всполохи уже сожрали тонкие занавески и теперь лижут каменные стены дома. А прилегающую территорию медленно заволакивает густым дымом.

На мгновение я сбиваюсь с шага.

Но тут же в голову бьет адреналин.

Я ору на всю улицу:

– Яся, вызывай пожарных! Быстро! – и со всех ног несусь к горящему коттеджу Антиповых, молясь лишь об одном: только бы эта пигалица осталась жива.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.